

Саша Штейман

Темный Питер. Обратная сторона

«Литнет»

2025

Штейман С.

Темный Питер. Обратная сторона / С. Штейман — «Литнет»,
2025

Филипп заключает сделку. Он должен забрать жизнь у девушки в обмен на магическое средство способное его излечить. К несчастью, он влюбляется, и теперь ценой своей жизни решает спасти любимую от магического обряда, проводимого древними магами- Жнецами. В тексте есть: лошади, магия, дерзкая героиня, моральный выбор и конечно же Х\Э, .

© Штейман С., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Пролог	5
Акт 1 Глава 1. Точка бифуркации	8
Глава 2. Визит клоуна	14
Глава 3. Вкус жизни	20
Глава 4. Возвращение в город	27
Глава 5. Признание Агаты	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Пролог

Северный Город стоял на границе миров.

Но кроме владелицы оранжереи Агаты и ее соседа с первого этажа доктора-онколога Андроника Ангелопулоса об этом мало кто догадывался.

А тот, кто догадывался, — исчезал. Как исчезли двенадцать лет назад старшая дочь доктора Андроника семилетняя Ангелина и ее мать.

Северным Городом в семье Агаты и ее дочери, семилетней Софии, называли Санкт-Петербург. В слове «Санкт-» подряд шли несколько согласных. София в них путалась, так же как все чаще путались времена года в Санкт-Петербурге.

День, на первый взгляд, не предвещал ничего необычного. Ведь с маленькими девочками, особенно в их собственной квартире, ничего плохого не случается. Тем более когда их дом стоит на 13-й Красноармейской улице, на бывшем месте расположения рот Измайловского полка, чьи призраки, казалось, до сих пор хранили город от невзгод. Хотя шепотом поговаривали, что древнее зло они все же пропускали...

Туман заползал в парадные неповоротливым мифическим животным и оседал на июньской листве призрачными клочками невесомого снега.

Мама никогда не отпускала ее гулять одну.

«Мир полон шепотов, которые не стоит слышать маленьким ушкам», — повторяла она, поправляя садовый фартук.

«Но зато, — успокаивала себя София, — у нас есть единственное витражное окно во всем подъезде — оранжерейное».

Стеклышки переливались оттенками волшебного заката.

София была воспитанная девочка и не пыталась подслушивать, но некоторые фразы запоминались надолго. Особенно когда доктор Андроник с печальными глазами и аурой вечной усталости, с первого этажа, однажды спросил:

— Агата, не зацвел? Ведь уже почти двенадцать лет прошло.

— Еще нет, не тревожься. Я обязательно предупрежу. — Мамин голос звучал странно.

Почему нужно было тревожиться, София не понимала. Доктор Андроник спасал детей в больнице, вырезал «черные бутоны» из их тел. Он всегда был спокойный и загадочный. Знал какой-то секрет, недоступный другим. Поговаривали, что у него золотые руки — дар, а может, и проклятие. Конечно, ввали. Совершенно обычные руки. София внимательно изучала их, когда он жестикулировал, рассказывая маме о редких травах, способных облегчить боль.

— Бедная девочка, сколько ей довелось пережить, а сколько еще предстоит, — так мама Агата говорила про Леру, шестнадцатилетнюю дочь доктора Андроника.

На самом деле Лера никакая не бедная. София об этом точно знала. Единственное, задумавшись о чем-то, забывает про все окружающее — как в тот раз. Когда брала Софию с собой на конюшни, чтобы покатать на Бэлфорде. Лера общается с ним каким-то другим способом, не словами, а будто мыслями. А у кого есть в распоряжении скаковая лошадь, тот по-настоящему богатый. А еще у нее есть отец, который, как шепчутся соседи, может исцелить от любой хвори, кроме собственной печали.

Санкт-Петербург с каждым годом чуть больше поглощался туманом. Отец Софии входил в группу ученых, наблюдающих за этим явлением. Год назад он утонул в озере. В июле. Хотя странно. Он плавал лучше всех, и даже участвовал в соревнованиях по плаванию.

София каждый день, с маниакальным упорством, смотрела во двор, надеясь, что однажды увидит папу. Может, он переплыл озеро, или ударился о камень и его спасли, а потом у него была потеря памяти. София видела это в сериале. А если это есть в сериале, то это может быть и в реальности.

Неделю назад она чуть не выпрыгнула в окно, когда увидела человека в камуфляжной форме, в такой же, как и у отца, когда видела его в последний раз.

Но увы...

Тот был смуглым, а не бледным, как папа, и волосы кудрявые, стянутые в небрежный хвостик, а не светлые, коротко стриженные. Ей все говорили, что она вся в папу. София так сильно хотела, чтобы он вернулся. Может быть, если смотреть достаточно долго и сильно верить, то окно станет порталом и он помашет ей рукой из другого мира.

София смотрела в окно, и вдруг двор заволокло туманом. Неужели опять? Так и есть, кудрявый с хвостиком стоял, прислонившись к стене арки. И всякий раз одновременно с ним появлялся туман. А еще нестерпимо начинали чесаться руки, и София раздирала их ногтями. Она знала всех, кто живет в ее подъезде, как свои пять пальцев. Кудрявый с хвостиком не был жильцом. Хотя мало ли какие у него здесь могут быть дела, может быть он в гости пришел к кому-нибудь из соседей. Но что-то в его взгляде вызывало у Софии неясное беспокойство. Она все глубже и глубже расчесывала свои руки.

София тряхнула головой и заставила себя отвернуться от окна.

Мама обещала вернуться еще час назад, но, как обычно, задерживалась. София привыкла к этому, но скучала неимоверно. Так хотелось рассказать о кудрявом человеке, о своих страхах и о том, как сильно она скучает по папе.

Дверь в оранжерею всегда была закрыта на ключ. Только в присутствии мамы ей разрешалось там находиться. Неделю назад София увидела, как мама положила ключ в ящик старинного буфета, украшенного резными грифонами, чьи глаза, казалось, следили за каждым движением. Поэтому извлечь его не составило труда.

— Красивый, — прошептала София и любовно погладила бронзовый ключик с колечком. Талисман, открывающий дверь в другой мир. Вставила его в замочную скважину. *Щелчок*. Дверь распахнулась, и София жадно принялась. Незнакомый густой и терпкий аромат витал в оранжерее, смесь ладана и гниющих фруктов. Он щекотал ноздри и вызывал дрожь. София безотчетно начала раздирать царапины на руке.

Вроде все как обычно: вот разлапистые резные пальмовые листья, напоминающие гигантские веера, вредная агава, что так и норовит зацепиться за рубашку своими колючими зубцами, куст белых роз, переплетающийся с красными, — влюбленная пара, образующая живую арку... и... что-то еще. Что-то пульсирующее в самом воздухе. Будто кто-то пробрался в мамин сад, но не обычный вор, а гость из кошмарного сна, и затаился, выжидая подходящего момента.

София сглотнула слюну, вытянула трубочкой губы и медленно выдохнула. Провела рукой по поникшим листьям рододендрона. Те, словно котята, соскучившиеся по ласке, потянулись вверх, выгибая спинки навстречу ее прикосновению. Они пытались предупредить о надвигающейся опасности.

София подошла к извилистым плетям лианы, которая, сколько она себя помнила, никогда не цвела, лишь сплеталась в причудливые узоры, напоминающие змеиные объятия. Что-то изменилось. Да, где-то здесь. Ближе. Аромат стал сильнее, и в нем появились металлические нотки, запах крови.

Взглянула в окно. Там стоял кудрявый в зеленой футболке и, не мигая, смотрел прямо в окно оранжереи. Его лицо было искажено странной гримасой, будто он видел то, чего не видели другие. София моргнула. Нет. Ей показалось. В центре двора никого не было. Это всего лишь куст, причудливо обросший плющом, напоминающий своей формой человеческую фигуру. Игра света и тени. Она подошла еще ближе к лиане.

Поблекшую от времени табличку с гравировкой «Опасность» и ниже — «При цветении не подходить» София не заметила: та была повернута к стене. Среди тонких, как щупальца, лепестков раскрылся белоснежным глазом цветок. Неземной красоты, гипнотический. Тычинки едва уловимо колебались, но ветра нигде не было. Соня испуганно оглянулась,

не забыла ли она закрыть окно. Нет. Все в порядке. И окно, и витражная дверь плотно захлопнуты. Несмотря на свой юный возраст, технику безопасности она знала назубок. Этот цветок будоражил воображение, звал подойти ближе, будто шептал имя. Ее собственное имя. Медленно, против воли, Соня наклонилась к зеву цветка и жадно вдохнула сладкую, дурманящую пыльцу.

Окружающий мир поблек. Все стало неважно. Краски выцвели, и арка из роз превратилась в серое, бесформенное пятно. Тревога за маму, которая так долго не возвращалась, исчезла без следа. В Софии пробудилась единственная цель. Она должна ее осуществить, чего бы это ни стоило.

У порога стояли белые сандалии. Она обулась.

— Послушная девочка. — София слушалась чужого голоса в своей голове.

— Вниз по лестнице, — продолжал глухой голос внутри, — как выйдешь из двери — не оборачивайся. Твоя цель — арка.

Зрение сузилось до круга диаметром не больше двух метров. Выхватывало из темноты окружающие предметы. Вот знакомые перила, она съезжала по ним не раз, вот выцарапанное на подъездной двери кривое слово «папа», вот заполненный клубами тумана двор-колодец, куда она так мечтала выйти погулять.

Одна.

Прямо сейчас ее желание исполнялось. Но радости не было. Она не одна. С ней глухой голос, управляющий ее волей.

Мужчина привалился к стене и небрежно ковырял зубочисткой в зубах. Камуфляжные штаны, зеленая футболка и кудрявые черные волосы, собранные в хвостик.

— Сонечка, — в спину ударился знакомый голос.

— Не оборачивайся, самое важное сейчас — это идти к арке. Сделай шаг и скройся от всех.

Неудобство, легкая паника от знакомого голоса, окликнувшего ее по имени, разрушали уверенность в том, что она делает правильно. Но голос в голове твердил: нужно слушаться. Взрослых всегда нужно слушаться.

Еще шаг.

Еще один.

Но кто же ее звал? Такой знакомый голос, такой родной. Что-то в нем было надрывное, болезненное. Морщинки собрались на детском лбу, маленькие пальчики судорожно сжали воздух, пытаясь помочь вспомнить. Но раньше, чем она вспомнила, туман окутал ее ступни и пополз вверх по тонким ногам. София потеряла равновесие и покачнулась.

Мужчина в зеленой футболке переломил зубочистку и подхватил падающую Софию, прежде чем она коснулась земли.

Акт 1 Глава 1. Точка бифуркации

В планы Филиппа не входило узнавать тайны лечащего врача. Доктор Андроник ему нравился. Он смотрел сквозь пальцы на небольшие нарушения режима, такие, как это.

Филипп дождался, чтобы коридор опустел. Сердце стучало в унисон с тиканьем старинных часов в приемной, отсчитывая секунды. Оглянулся: не пошла ли бабушка в кабинет заведующего. Вроде бы нет. Да и табличка на двери предостерегала: «Не беспокоить».

Мобилизовал подобие мышц и сделал четыре шага до двери, ведущей на лестницу. Как же хорошо, что внутренние двери здесь не скрипучие, не выдадут его секрет. Ладони повлажнили от пота и скользили по отполированным перилам. Филипп пытался удержать ускользающее время. Колени подгибались, непреодолимая сила тянула вниз. Он уже не мог ей сопротивляться. Почти.

«Передышка необходима на каждой площадке, — внушал он себе, — сделать только один шаг, а потом еще один. Не нужно думать о том, что еще два этажа спускаться в эту бездну. Я вижу перед собой только одну ступеньку. Всего одну. Ее-то я смогу одолеть. Выдался сегодня денек, однако. Бывают же такие дни, когда кажется, что все нити судьбы сходятся в одной точке, что все события мира сосредоточились в одном месте или совершаются для одного, избранного человека. И сегодня явно такой день. День, когда что-то должно произойти. Кажется, они называются точка бифуркации. И именно меня угораздило оказаться в ней».

Все началось утром, когда Филипп спрятался в рекреации за колонной.

После капитального ремонта старинное четырехэтажное здание, пропитанное духом ушедших эпох и окутанное легендами, отдали онкологическому отделению. «Ирония судьбы или зловещая шутка времени», — думал Филипп. Чему бабушка его, Саида Петровна, была несказанно рада. Время, отведенное для посетителей, она превращала в пытку для врачей. Она исправно донимала лечащего врача Филиппа, Андроника Ангелопулоса, человека с печальными глазами, пропитанного запахом лекарств. Когда тот, не выдерживая ее напора, сбегал в ординаторскую, она требовала заведующего отделением, Константина Ясоновича, — уж тот-то всегда был обходителен и внимателен. «Настоящий мужчина», — вздыхала бабушка, не подозревая, что за маской вежливости и профессионализма скрывается нечто большее, чем просто хороший врач. Что-то чувствовалось в его взгляде, в его тихом голосе, он владел секретами, которые лучше не знать.

Взывая на всякий случай к духам больницы, к теням прошлых пациентов и отголоскам их страданий, чтобы те хоть на миг сделали его невидимым, Филипп клял себя за то, что поддался глупому любопытству. Хорошо, что колонна, поддерживающая сводчатый потолок, была шириной в три его обхвата. Он прижался к ней лбом, ища защиты у древних камней, ощущая их холодную, неживую энергию. Ему казалось, что колонна дышит, что она — живой свидетель всех тайн и секретов этого места.

— Оставьте других ненадолго. Вы свои силы затрачиваете на них, а Филиппу достаются крохи. — Колоритная за семьдесят бабушка в зеленом боа клевала орлиным носом в плечо доктору.

— Саида Петровна, миленькая, посмотрите, вот Ника, ей семь лет, у нее неоперабельная опухоль. Вы предлагаете ее бросить? Или Глеба, он, кстати, лежит в палате вашего внука, ему еще нет семнадцати, а заболевание такое же, как и у Филиппа, — лейкоз. — Доктор устало провел рукой по гладко зачесанным волосам. — Болезни все равно, чей он ребенок. Не в нашей власти решать, кому жить, а кому умирать. В нашей власти лишь прожить эту жизнь, отвечая на зов предназначения.

— Да вы знаете, что Филипп сирота с семи лет, я его воспитываю одна? Вы в курсе, что я могу сделать и на какие кнопки нажать? — не сдавалась Саида Петровна.

Она привсталась на цыпочки и горячо зашептала в ухо доктору.

Довольная произведенным впечатлением, поправила бархатный жакет и с победными интонациями продолжила:

— Поэтому сделайте это для моего единственного внука. Ведь ему скоро восемнадцать, если он доживет. — Бабушка украдкой посмотрела на доктора: как подействовали ее слова? — Вы хотите, чтобы он умер? Бессовестный, бессердечный вы, доктор Андроник.

— Я делаю все, что в человеческих силах, а дальше уже не моя епархия. — В глазах доктора Андроника мелькнул и погас фиолетовый отблеск. Он смял белую шапочку хирурга так, что онемели кончики пальцев. — Время посещения закончилось. Меня ждут пациенты.

Духи помогли, и бабушка ушла.

Из своего укрытия Филипп видел, как доктор Андроник положил белую шапочку на стол и разгладил ее руками. Сухая кожа от постоянного ношения хирургических перчаток выделялась белыми пятнышками на подрагивающих пальцах.

Мимо него пронеслась девчонка лет шестнадцати, в длинном черном свитшоте, рукава закрывали кисти рук, без стука влетела в кабинет с табличкой:

«Андроник Ангелопулос

Хирург-онколог»

и оставила дверь открытой.

Филипп мог сейчас незаметно уйти, слиться с тенями коридора, раствориться в лабиринте больницы. Путь к отступлению был свободен, но ноги приросли к полу, парализованные неведомой силой. Его зацепили первые слова девчонки, крючком выудили из потока времени. А дальше он просто не мог уйти, не дослушав до конца. То ли врожденное любопытство, которое не раз втягивало его в опасные авантюры, было тому виной, то ли страсть к отгадыванию загадок, что манили его как мотылька — пламя. Он чувствовал, что стоит на пороге чего-то важного, чего-то, что может изменить его жизнь навсегда.

Доктор Андроник сидел в своем кабинете, склонившись над рентгеновским снимком. Его лицо, обычно спокойное и сосредоточенное, сейчас было напряжено.

— Лера? Что случилось? Ты вся бледная. — Он обеспокоенно взглянул на дочь.

Лера, задыхаясь, бросилась к нему:

— Папа, Софию... Соню похитили!

— Что?! Соня? Какая Соня? Кто ее похитил? Где это произошло? Подожди! — Доктор выглянул в коридор и закрыл дверь. Филипп почувствовал было разочарование, но увидел, что старая разошедшаяся дверь, которую не успели поменять после ремонта, закрылась неплотно.

— Сядь и рассказывай, очень медленно... и с самого начала. — В голосе доктора зазвучали обертона, отголосками древних ритуалов. Гипнотические нотки плели невидимую сеть. Филиппу немедленно захотелось войти в кабинет к доктору и рассказать абсолютно все, начиная с того момента как он открыл утром глаза.

— Прекрати! Я не твой подопытный кролик. Не нужно на мне экспериментировать. И гипнотизировать меня. Я тебя прошу о помощи, а ты... ты...

Филипп вздрогнул и отдернул руку от двери.

— Извини, я по привычке. Расскажи, что произошло.

— Все началось утром. Я вышивала шейный платок для соревнований. Я злилась. У меня ничего не получалось. Дурацкая ворона ходила за окном и косилась на меня. Потом она стала стучать в окно. Меня все бесило. Я подошла к окну, чтобы прогнать ее. Увидела, что во дворе, прямо по центру, идет дочь Агаты, нашей соседки сверху. Подбородок гордо задран. И смотрит она... Ворона улетела. Я кричу Софии: «Привет!» — она не слышит. Окно закрыто.

Филипп сквозь щелочку между дверной коробкой и дверью увидел, как Лера повернулась к отцу.

— Я не помню, чтобы София когда-нибудь гуляла одна. Наверняка там какая-то история...

— Что было дальше?

— Дальше? — Лера сжала руками виски. — Что-то было в этом взгляде Софии... до жути знакомое. Да, именно так. До боли знакомое и... страшное. Как обрывки повторяющегося кошмара. Сегодня кошмар вышел за пределы моих снов. Из года в год, когда вечерние сумерки начинают сливаться с утренними, я не могу уснуть.

Лера сжала виски руками и продолжила, словно в трансе.

— Каждую ночь ко мне приходит маленькая девочка, лет семи, с остекленевшим взглядом. И сегодня София, как та девочка из моего сна, уходит... в пространство арки. Я бросаюсь к окну, дергаю шпингалет. «Подожди меня, не уходи!» Шпингалет поддается, и я кричу: «Сонечка!» Она замедляет шаг, но не оборачивается. «Ну обернись же! Обернись хоть на секундочку! Посмотри на меня, маленькая!»

Ворона, та самая, что стучала в окно, кружит над Сонечкой, распластала крылья и каркает. И Соня начинает оседать, заваливаться на бок, как во сне. В моем собственном сне, который становится все более реальным. Из полутьмы выступает мужчина в камуфляже. Он подхватывает Сонечку на руки, ее белое платье сливается с туманом, который сегодня прятался в нашем дворе. В проеме арки никого больше нет. Ни мужчины, ни Сонечки. Только туман и тишина.

— Милая моя.

Филипп увидел, как доктор Андроник обнял дочь за плечи.

— Я, — сквозь всхлипы продолжила Лера, — скомкала шейный платок в руках, вместе с иголкой засунула его в карман брюк карго. Уронила утюг и гладильную доску. Бокалы в буфете задребезжали. Я выскочила в домашних тапочках в подъезд, потом во двор... Но там... никого. Солнце, и никаких признаков тумана. Никого, понимаешь? — Лера подняла к отцу заплаканное лицо, и продолжила: — Всюду люди. Их так много. Две девушки кокетничали с таксистом и смеялись. Офисный клерк в строгом костюме. Дама с лохматой миниатюрной собачкой и пакетиком в руках, полным собачьих радостей. Все как обычно, как будто ничего не произошло. Я оглядываюсь по сторонам, но никого не вижу. Куча людей, а я их не вижу. Хватаю за руку женщину с собачкой и кричу прямо ей в лицо: «Вы не видели девочку? Лет семи. В белом сарафане и с волосами до пояса?»

Женщина отшатывается от меня, собачка скулит. «Да что вы себе позволяете? Отстаньте! Не видела я никакой девочки». Мне никто не может помочь, папа, никто! Я бегу по улице, все прохожие на одно лицо — равнодушные и пустые. Все впустую. Соня просто растворилась в воздухе. На перекрестке черная машина, отъезжала от обочины. Внутри мелькнуло что-то белое. Соня? Я сошла с ума и ничего не понимала. Просто бросилась за машиной, на красный свет. Визг тормозов и ругань из автобуса. Он меня чуть не задавил. Машина уже скрылась за поворотом. Над головой карканье. Целая стая ворон, штук сто, двести, не знаю — много. Они кружили надо мной. И я почувствовала странную уверенность, что эти птицы действительно хотели мне помочь. Я схожу с ума? — Лера вдруг прервала рассказ и обратилась к отцу.

— Нет, моя хорошая. Просто рассказывай дальше.

— Я побежала в ту сторону, куда летели вороны, свернула в узкий переулок, там мусорные баки. Запах мерзкий, но все равно. Заброшенное здание с выбитыми окнами и облупившейся краской. Вороны слетелись на крышу и теперь их карканье стало настойчивым, они подгоняли меня. Я открыла дверь, она скрипела, как вороны, и вошла внутрь. Темно и сыро. Кругом мусор и обломки. Я пару раз упала и разбила коленку. Голоса. Они становились все громче, доносились из одной из комнат. Подошла к двери, заглянула внутрь. В комнате сидели подростки, они играли в карты. И вдруг среди них я увидела одного... в камуфляжных штанах. Я рванулась к нему. Но Сони там не было. Потом ворона начала яростно биться клювом

в стекло. Что-то светлое мелькнуло на секунду за спинами подростков. Светлый затылок, знакомые очертания. Соня! Но прежде чем я успела сообразить, что к чему, силуэт исчез. Мелькнул и пропал. Мираж. А тот парень в комнате, кроме камуфляжных штанов, совсем не был похож на похитителя. Я метнулась к подросткам. «Вы не видели...» Но тут сквозь разбитое окно в комнату влетела ворона. За выбитым окном в конце улицы снова мелькнул белый сарафан. Пересекла Штадский переулок и вылетела на Императорский проспект. Он гудел, шумел, пылил и стонал многоголосицей автомобильных сигналов, звуковой рекламой и птичьих трелей. Я снова ее потеряла! «Ай!» — слизала капельку крови из проткнутого пальца. Иголлка! Я смотрела на белоснежный шейный платок и вышитые золотые буквы «Бэлфорд» и совершенно не понимала. Телефон остался на столе, в моей незакрытой квартире. Как теперь связаться с кем-нибудь? Как предупредить и попросить о помощи? Я не знала, куда звонить, кому сообщать о похищении. Пап, я забыла телефон! Если бы я его взяла, я могла бы вызвать помощь. Это я виновата. Одна из ворон спикировала вниз и врезалась в лобовое стекло проезжавшего такси. От этого звука я очнулась. Ворону отбросило на тротуар. Тоненькие косточки согнуты под углом, перья, капли крови на сером асфальте. Ворона дернулась и затихла. Она умерла, пытаясь мне помочь.

В том такси, на заднем сиденье, неподвижно сидела девочка с золотыми волосами. Соня! Я знала это. Такси скрылось. Это я... я во всем виновата. Если бы я не забыла телефон, я могла бы спасти ее.

В наступившей тишине Филипп старался дышать медленнее. Время тянулось как резиновый шпагат, с которым он занимался когда-то до болезни. Сглотнул. Еще раз. Все же в порядке. Он не хотел подслушивать. Внутренний голос настойчиво шептал ему, что он присутствовал там, где его не должно было быть, и слышал то, что не предназначалось для его ушей. Он ненавидел такие ситуации. Никогда не знал, что в них делать. Слабость охватила колени и начала подбираться к груди. Жизнь вообще отвратительная штука, и он еще раз убедился в этом. Снял серебряное кольцо и крепко сжал. Надежда, что холодный металл приведет его в чувство, оправдалась.

— Лера, ты должна немедленно покинуть город! — голос Андроника разрезал тишину. Филипп вздрогнул.

— Что? Куда уехать? Я не могу уехать, пока Соню не найдут!

— Ты не понимаешь! Ты в опасности! Если они узнают, что ты... Просто уезжай. Немедленно.

— Кто «они»? — Лера пыталась вырваться из хватки отца, но он держал ее крепко.

— Неважно! Просто сделай как я говорю! — Отец вытащил из портмоне карточку. — Возьми. Этого должно хватить. Там достаточно и на дорогу, и на все остальное. И не возвращайся, пока я не позвоню.

— Но мои вещи...

— Забудь о вещах! Это неважно! — отец оттолкнул Леру от себя. — Никаких «домой». Прямо сейчас иди на вокзал и садись на первый же поезд в... в Кавелахту, на дачу к тете. Там безопасно.

— Но почему я должна уехать?

— Просто поверь мне, Лера. Я знаю, что говорю. Здесь тебе нечего делать. А оставаться опасно для тебя... и для меня. Если ты хоть немного меня любишь, сделай то, о чем я прошу. В память о маме и о сестре.

Лера смотрела на отца. Она видела в его глазах такой неподдельный страх, что не могла не поверить ему.

— Хорошо, — тихо сказала Лера. — Я уеду. Но ты... Ты мне все расскажешь?

Отец кивнул, не глядя на нее.

— Да, да, конечно. Только уезжай. И будь осторожна.

Он снова обнял Леру, быстро и неуклюже, боялся, что их кто-то увидит. Затем оттолкнул ее и указал на дверь.

— Иди. Прямо сейчас. И не звони мне, пока сама не доберешься.

Лера вышла из кабинета, шатаясь. Она не знала, что происходит, но понимала одно: отец сказал уехать. И как можно скорее.

Доктор Андроник дождался, чтобы Лера ушла, и набрал номер на телефоне:

— Агата, похитили Сонечку. Лера не разглядела его лица.

Бывают такие дни, когда все нити сплетаются воедино.

Филипп хотел сбежать. Забыть этот день, этот разговор. А еще забыть, как доктор, не поднимая глаз, вошел в десять утра в палату. Филипп нутром чуял, что ему сейчас скажут. Опушенные глаза, бланки с анализами в руках, подрагивающие пальцы доктора Андроника выдавали все. Несмотря на предощущение, на опыт больного, многократно балансировавшего на грани, в нем теплилась надежда. Слабая, робкая, но все же надежда.

Надеялась та часть души, что так и не познала полноты жизни. Что недополучила физических радостей. Мечтала играть в волейбол в команде, падать на горячий песок, триумфально ловя мяч. Та часть души, что не дралась со сверстниками, отстаивая свои принципы, не спорила до хрипоты, доказывая свою правоту. Что так и не познала первого поцелуя, дрожащих рук, бабочек в животе. И чтобы ощутить все, что упустила, чтобы наверстать, чтобы просто пожить, Филипп отчаянно надеялся.

Надеялся услышать, что лечение помогло, что он — большой молодец и метастазы отступили. Надеялся на чудо. Ведь бабушка не зря так тщательно вычисляла количество ремиссий у каждого врача. У доктора Андроника их было на целых 2 % больше, чем у остальных. Возможно, думала бабушка, он войдет в эти заветные 2 %.

Но он не вошел. Еще раз убедился, что жизнь — это безжалостная штука, где никто никому не нужен. И всякая книжная чушь про призвание, глубину человеческой личности и благородство — всего лишь чушь и сказочка для маленьких детей. Зачем продлевать страдания? Филипп чувствовал каждой клеткой своего тела, по тому, как ему едва хватало сил добраться до туалета, по усиливающейся боли, по постоянной тошноте. А эта безумная вылазка... на что он вообще надеется? Бегство от реальности, вот что это. Слабая попытка обмануть себя, заставить поверить, что есть надежда.

Но что, если это лишь ускорит конец? Что, если этот кратковременный всплеск энергии лишь выжжет остатки его жизненных сил, приблизив неминуемый финал? И терзал его не только страх смерти, но и стыд. Стыд за эту слабость, за это бегство, за то, что предал надежды бабушки. Внутри него разгорался конфликт между желанием жить и осознанием неизбежного, между надеждой и отчаянием, между стыдом и страхом. И с каждым вдохом он чувствовал, как разрывает его изнутри, приближая его к тому самому моменту, которого он так отчаянно пытался избежать.

Филипп задышался от внутреннего напряжения. Слова доктора, вердикт оставшейся жизни. С трудом доковыляв до свежего воздуха, он обессиленно упал боком на скамейку, позволяя первым лучам солнца скользнуть по его измученному лицу. Какое облегчение. Какая блаженная тишина.

В этом умиротворяющем безмолвии он отстранился от больничных стен, от запаха лекарств и безысходности. Вот малыш в коляске, его мама увлечена чтением книги. Алые розы и фиолетовые ирисы, заботливо скомпонованные у скамейки, источали тонкий, сладкий аромат. В небольшом фонтане, усыпанном монетами, покачивалась белоснежная кувшинка, символ надежды и чистоты. Смуглый садовник, насвистывая неизвестную мелодию, устанавливал надувной батут для детей, которым разрешали спускаться во внутрибольничный дворик.

Вся эта идиллическая картина — это не для него. Он не прыгал на батуте, не дарил маме цветы и не катался с отцом на мотоцикле.

В этой тихой больничной гавани, наполненной запахами цветов и детским смехом, Филипп ощутил умиротворение. На мгновение забыл о боли, о страхе, о неминуемом конце. Просто позволял себе насладиться теплом солнца на лице, ароматом роз и тихим плеском воды в фонтане. Но даже в этом раю тень надвигающейся смерти не покидала его. Он знал, что это лишь временная передышка, что впереди его ждет неминуемое. Но сейчас, в этот миг, он хотел просто наслаждаться тишиной и покоем. Просто быть.

Обморок настиг его как судьба.

Глава 2. Визит клоуна

В окно ворвалось солнце и отразилось от стеклянной подвески. Как только Глеб увидел, что Филипп открыл глаза, накинулся без предупреждения:

— Какого ты постоянно шляешься? А потом в обморок хлопаешься. Ты всегда падаешь в обморок, тебя несут обратно, а меня будят.

— Хватит бухтеть. Не так уже долго нам осталось жизнью наслаждаться. Не стоит терять ее в больничном катафалке.

— Ты невыносим, я попрошусь, чтобы меня перевели! — Глеб картинно откинул каштановую прядь волос со лба и приподнялся на левом локте. От правой руки тянулась тонкая трубочка капельницы к стеклянной баночке на штативе.

— Да ты просто мне... Ты мне завидуешь, что у меня есть шансы.

— Да что ты! Ты, оказывается, крутой подсчитыватель шансов! Ну, если так — то скажи, сколько шансов победить болезнь у меня?

— У тебя шансов столько же, сколько волос на твоей голове, — жестко парировал Глеб.

— А не пойти ли тебе... — Филипп не закончил предложение и откинулся навзничь. Играть в светского джентльмена не было сил.

Глеб предпочел сделать вид, что не заметил последнюю фразу, — связываться с лысым задохликом себе дороже. Выкинет еще что-нибудь несусветное. Несмотря на плачевное состояние Филиппа, Глеб его остерегался. Было в нем что-то, что не позволяло унижать и наслаждаться этим. Он не понимал Филиппа, а ему не нравилось, когда он что-то не понимал.

Под эти слова в палату зашел больничный клоун с красным поролоновым носом, в рыжем парике и с кроваво-красным ртом.

— Ну-ну, мальчики, не ссорьтесь. — Клоун присел на стул, держа в руках горшок с засохшим цветком и два воздушных шарика. — Глебушка, у тебя капельница уже закончилась, дай нам возможность поговорить с этой лысой головой, — клоун кивнул в сторону Филиппа.

— Вы кто такой, что тут командуете? У меня режим, и я не собираюсь... — начал было Глеб, но смолк. И неожиданно для себя повиновался немигающему взгляду клоуна.

Подождав, пока Глеб вытащит из катетера трубочку капельницы и выйдет, клоун повернулся к Филиппу:

— Привет, дружище! Не ждал гостя? Самый лучший клоун в городе прибыл, чтобы развеять твою скуку!

— ?

Клоун достал иголку и лопнул шарик. Филипп вздрогнул.

— Ой! Прости! Просто хотел добавить немного красок в этот... несколько унылый пейзаж. Ты же знаешь, смех — лучшее лекарство!

— Да что вы!

— Ну, это мы сейчас исправим! — Клоун по-свойски присел на край кровати, ближе, чем допустимо правилами приличия. — У меня кое-что есть! Эликсир молодости!

— Что? Либо вы сумасшедший, либо я, либо это новая мода веселить умирающих...

— Секрет фирмы! — Клоун приблизил кроваво-красный рот к лицу Филиппа. — Но поверь мне, это то, что тебе нужно. Всего одна капля — и ты забудешь о болезнях, слабости... о смерти.

— Прямо панацея?

— Ну, почти. Он может продлить твою жизнь. Значительно. Настолько, насколько тебе захочется.

— И как это работает?

— Магия! — Клоун засмеялся, но смех прозвучал холодно. — Или, если хочешь, наука. Самая передовая. Просто поверь мне. У тебя ведь нет выбора, верно?

Филипп отвернулся.

Клоун наклонился вплотную к его уху и прошептал:

— Именно поэтому я здесь. Я предлагаю тебе шанс. Шанс увидеть мир, почувствовать вкус жизни, сделать что-то важное. Ты ведь не хочешь просто так исчезнуть, правда? — И закрыл лицо рукой от отразившегося света от подвески. — Что за гадость!

Не спрашивая разрешения, клоун подошел к окну и снял солнечную подвеску, как опасное насекомое. Для пущей надежности прикрыл полотенцем.

Солнце за окном исчезло, и сумрак прокрался в палату. Тоска тяжелым камнем придавила грудь Филиппа, каждый вздох давался с трудом.

— Сними кольцо, и дышать станет легче, — вкрадчивый голос клоуна вернул Филиппа из забытья.

— Это кольцо отца. — Филипп привычно нащупал ободок тяжелого серебряного кольца и провел пальцем по вдавленному знаку двух сплетающихся дуг.

— Твои пальцы исхудали, тебе тяжело его носить, не по плечу уже. Сними, а когда окрепнешь — опять возьмешь. — Клоун внимательно и напряженно следил за Филиппом.

Тот, в наваждении, медленно коснулся кольца, и оно послушно упало в ладонь.

— Видишь, это легко, нужна только решимость. А теперь убери его в ящик тумбочки. — Кроваво-красный рот клоуна растянулся в оскале. — Так надежнее. — Клоун повернулся, чтобы следить за выполнением своего приказа, в ноздре холодным блеском отразилось черное кольцо-пирсинг. — А теперь ответь, что у меня в руках?

— Вы меня за идиота держите? Я не тупой. И если у меня нет шансов, это не значит, что я слепой. Зачем вы принесли засохший цветок?

Клоун не ответил, он оглянулся на дверь и достал из недр просторного двухцветного костюма капсулу красного цвета, чуть больше ногтя. Разломил пополам и медленно, почти нежно наклонил над сухим стеблем.

То, что произошло дальше, Филипп приписал своему расстроенному воображению или действию обезболивающего. Как сквозь дымку, сквозь тусклое стекло, он увидел, что сухие и ломкие стебли распрямляются и наполняются соком. На вытянувшейся плети стали появляться почки, лопаться и выпускать на свет листья с крупными зубцами по краям. Через пять секунд цикла появился одиночный ворончато-складчатый венчик. От дурманящего запаха Филипп оставил попытки осмыслить происходящее.

Цветок выпустил четырехгнездную коробочку, покрытую шипами. Спустя мгновение коробочка лопнула, и матово-черные семена просыпались в ладонь клоуна.

— Это твой шанс. Твое будущее. Все, что тебе нужно сделать, — это... довериться мне.

— Что я должен сделать взамен?

Клоун улыбнулся, обнажая неестественно острые зубы:

— Ничего особенного. Просто... будь верен.

— Верен кому?

Клоун встал с кровати, его тень упала на Филиппа:

— Тому, кто дал тебе этот шанс. Тому, кто спас тебя от смерти. Тому, кто видит в тебе... потенциал.

Клоун медленно повернулся к двери, его улыбка стала шире:

— Подумай об этом, Филипп. Время тикает. У меня есть власть продлевать жизнь. Таких капсул у меня много. Есть для одного дня, есть и для двенадцати лет. — Он подошел к бледному Филиппу и положил одно семечко ему на тумбочку. — Подумай об этом. Я приду завтра в это же время.

Несмотря на уход странного клоуна, дурман в голове Филиппа не проходил. Молча вошел Глеб и лег на кровать. Обычно он бы возмущался и качал права. Сейчас он даже не взял свой телефон, только зарылся в подушки и затих.

— Как настроение? — Ворвавшись свежим ветерком, доктор Андроник тут же остановился в дверях. — Как же трудно у вас дышать, а где ваш солнечный уловитель?

Воздух, плотный и густой, как вода, не давал ему войти в палату. Он задержал дыхание и шагнул внутрь, как в бездну океана. Движения были замедленны, жила на шее напряглась, на лице застыла маска страдания. Преодолевая сопротивление невидимой преграды, шел к окну.

Проведя рукой по подоконнику, наткнулся на полотенце. Под врачебным халатом напряглись бицепсы, будто он поднимал два кирпича, а не вафельное больничное полотенце. Вот наконец то, что он искал. Подвеска с двенадцатью веревочками и прозрачным витражным стеклом. Как в замедленной съемке, дотронулся до подвески, потом обеими руками стал поднимать к крючку над окном. Только вдев петельку подвески на крючок, выдохнул, приоткрыв рот. Обессиленно оперся о подоконник.

Вначале Филипп услышал, как эхом выдохнул Глеб. Потом попытался сглотнуть, чтобы убрать противную сухость во рту. И сразу же — необыкновенная легкость во всем теле.

В то же мгновение солнце ворвалось в комнату, как игривый котенок, прыгая по полу больничной палаты, кроватям, подушкам, капельницам, лбу и щекам мальчишек. Только тумбочка с семенем дурмана оставалась в полутьме.

— Нужно проветрить у вас и провести генеральную уборку. Пыльно тут как-то, — растерянно пробормотал доктор Андроник и вышел, так и не спросив то, о чем хотел.

Филипп ощущал свое лицо, согнул левую руку в локте, потом правую, то же проделал с ногами. Все работало. Тело подчинялось ему, как всегда.

— Что это было? — самому себе задал вопрос Филипп, не ожидая ответа.

— Это началось после клоуна. — Глеб спустил ноги с кровати, сунул их в белые больничные тапочки и подошел к окну. — Когда я вошел, уже было тяжело дышать. Хотя ты знаешь... — Пожевав губами, продолжил: — Я ничего не видел, но я все слышал. Я ведь стоял за дверью.

— И что ты думаешь?

— Я думаю, если у клоуна есть власть продлевать жизнь, я готов разговаривать с ним. Не хочу стать лысым, как ты... — Глеб провел рукой по волосам, пропуская шелковистые каштановые пряди сквозь пальцы. — Если есть хоть микроскопический шанс — я его не упущу.

На следующее утро в больнице после дежурного обхода и приема лекарств наступило свободное время. Глеб каждые пять минут высовывал голову в коридор. Ждал клоуна. Дородная низкорослая санитарка цыкнула на него, чтобы не шлялся здесь и не мешал ей мыть полы.

— Марьянна, вы не знаете, когда приходит больничный клоун?

— Кто? Не знаю и знать не хочу.

Глеб соорудил умильно-заискивающую гримасу. Он знал, что женщина терпеть его не может, но отступить не собирался.

Марьянна задумалась.

— Да, впрочем, и не было его у нас уже как месяц. Константин Ясонович, заведующий отделением, запретил им сюда приходить. Они только мешают работать, кривляются тут! Еще заразу принесут, мало нам больных! Так что не должно быть никого из их команды.

— Как не было?! — взвизгнул Глеб. — Он вчера приходил! Обещал сегодня подойти. Он вчера обещал...

— Ну, если обещал, значит, подойдет! Хотя странно все это. Я сама слышала, как Константин Ясонович ругался, что они не соблюдают правила посещения. И хватит мне голову

морочить! Зайди в свою палату, пусть высохнет пол, после будешь шмыгать, а то уделаешь мне тут все, как свинья в хлеву! — огрызнулась Марьсанна.

Глеб неохотно развернулся.

«Как же я ее ненавижу!» — промелькнуло у него в голове. Но он знал, что ему ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Пока что.

— А-а-а-а! — Он подпрыгнул от неожиданности.

Перед ним стоял клоун с кроваво-красным ртом.

В коридоре за спиной раздался знакомый скрип колес каталки, и Глеб отпрянул в палату, сердце колотилось как бешеное. Он замер у двери, вжавшись в стену.

— Я вижу, ты меня ждал. — Левая нарисованная бровь поднялась выше правой. Клоун раскрыл рот и обнажил зубы в хищном оскале, который больше походил на волчий. — Но я пришел не к тебе.

Глеб не выдержал, рванулся вперед, наплевав на запреты и злобное шипение Марьсанны.

— Возьмите меня! — горячо зашептал он прямо в открытый оскал клоуна, комкая в руках подол больничной пижамы. — Я слышал вчера то, что вы говорили Филиппу. Зачем вам этот лысый задохлик? Посмотрите, какие у меня мышцы! Болезнь еще не полностью меня захватила, и на меня не нужно тратить много лекарств. Я... я сделаю все, что вам нужно. Все!

Клоун склонил голову, рассматривая его с отстраненным любопытством, как диковинную зверушку. Его нарисованная улыбка, казалось, стала еще шире.

— Все? — промурлыкал он, пробуя слово на вкус. — Это очень смелое заявление, мальчик мой. Что ты готов отдать за то, чтобы я обратил на тебя свое внимание?

Клоун взял Глеба за подбородок и повернул его голову в одну сторону, потом в другую, словно оценивая товар на рынке. В его прикосновении чувствовалась ледяная сила, от которой по коже побежали мурашки.

— Какой прекрасный экземпляр, — восхитился клоун, его голос стал сладко-приторным, пугающе нежным. — Ты сам идешь ко мне в руки, добровольно. Какой сознательный, однако. Филипп ныл и сопротивлялся, пришлось уговаривать. А ты... Ты просто мечта.

На секунду Глебу стало страшно. В глазах клоуна плясали недобрые огоньки, обещающие нечто ужасное. Но желание вырваться из больничной рутины, избежать медленной агонии заполнило все его существо, заглушив разум.

— Так что, возьмете? — прошептал он, затаив дыхание.

Клоун окинул взглядом палату, потом снова вернулся к Глебу, на губах играла дьявольская ухмылка.

— Ну заходи, — промурлыкал он. — Не стой под дверью. Я покажу тебе кое-что... интересное. Но помни, мальчик мой, — его голос стал ледяным, — я устанавливаю правила. И за нарушение правил полагается... очень болезненное наказание.

Клоун отступил в глубь палаты, и Глеб, замороженный, последовал за ним, оставив за спиной грязный коридор и ворчащую Марьсанну. Но сейчас это было неважно. Сейчас была только тьма в глазах клоуна и обещание перемен, пусть даже и страшных. Дверь за ними бесшумно закрылась.

Глеб зажмурился от слепящих солнечных лучей, отражающихся от подвески. Яркий свет резал глаза, но не это заставило его отступить обратно. В палате витал какой-то чуждый, терпкий запах, от которого першило в горле.

— Твое первое задание. — Клоун повернул лицо с потекшим гримом к Глебу. Разводы туши и помады делали его лицо еще более отталкивающим, будто маска треснула, обнажив гнилую суть. — Убери эту штуку с окна и спрячь ее. Никакого света.

Желание угодить, доказать свою полезность вспыхнуло в Глебе с новой силой. Послушание было ключом к новому миру, к миру, где он будет чувствовать себя здоровым.

С готовностью Глеб рванулся в палату. Несмотря на боль в слабых мышцах, взгромоздился ногами на узкий подоконник. Торопливо вытащил петельку витиеватой подвески из крючка. Солнечные лучи преломлялись в гранях стекла и разлетались по стенам.

«Слишком много света», — промелькнуло в его голове.

Для пущей надежности, чтобы клоун видел его усердие, спрятал солнечную подвеску не под тонкое больничное полотенце, а глубоко в ящик прикроватной тумбочки, задвинув ее подальше, под ворох комиксов о Супермене. Теперь свет не сможет проникнуть сюда.

— Хороший мальчик. — Клоун положил руку на роскошную шевелюру Глеба, чуть сжимая ее в своей ледяной хватке. Прикосновение было неприятным, почти болезненным, но Глеб замер.

Так, плечом к плечу, они повернулись к Филиппу, вокруг которого солнечный свет уже не мог найти себе места. Тьма сгущалась, и Глеб чувствовал, как вместе с ней решается и его судьба.

Клоун оглядел палату. Остановил взгляд на тумбочке.

— Ты сохранил мое семечко, — промурлыкал он, увидев темное облако над тумбочкой, и похвалил Филиппа. В его голосе сквозила зловещая насмешка.

— Здравствуйте, — промямлил Филипп, с трудом отрывая взгляд от пола. — Я просто... забыл про него.

— А вот только не надо этого! — резко оборвал его клоун, подходя ближе. — Вот этих формальных приветствий. Ты не обязан желать мне здоровья. Потому что ты мне его не можешь дать. А вот я — могу.

— Он может, — прошептал Глеб, замороженно следя за клоуном, стараясь не выскользнуть из-под его тяжелой руки на макушке. За это послушание он получил одобрительное похлопывание по голове.

— Я пришел с подарком. — Клоун ткнул пальцем в сторону Филиппа. — Правда, рассчитывал только на одного тебя. И тогда тебе хватило бы этого больше. Но... я воспылил состраданием, — на этих словах клоун скривился, будто проглотил что-то отвратительное, — к очень умному молодому человеку. Поэтому делим пополам.

Клоун снял руку с головы Глеба, вытер ладонь о свой грязный костюм, как будто освобождался от чего-то липкого и оскверняющего. Затем сунул руку в левый карман и достал капсулу желтого цвета.

— Открой рот и держи так, — приказал клоун Глебу, его голос был резким и властным.

Тот повиновался, откинув голову назад и широко раскрыв рот. В его глазах плескалось какое-то нездоровое обожание, перемешанное со страхом.

Клоун разломил капсулу пополам и бережно наклонил ее. Сделай клоун хоть крохотное, неосторожное движение, и она тут же угодила бы в подставленный рот Глеба. Но клоун медлил. Он изучал Филиппа. Тот, против воли, зачарованно смотрел на каплю, его глаза расширились от странного, гипнотического страха. По всем законам психологии, он непременно желал, чтобы незавершенное действие завершилось.

— А хотя... — Клоун выпрямил колбу и усмехнулся. — Я же первым пришел к Филиппу. Может, начнем с него? Ты стой так, — бросил он мимоходом Глебу, который стоял с запрокинутой головой и судорожно сглатывал слюну.

— Ну что ж, давай! По закону первородства, тебе первому! — заявил клоун, приближаясь к Филиппу.

Филипп ничего не понимал. Какое первородство, о чем он говорит? Странная тяжесть оплела все его тело, парализуя волю. Он потерял способность критически осмысливать происходящее, попал под гипноз.

— Бред какой-то! — пробормотал он, но в его голосе не было уверенности.

Он хотел, чтобы это побыстрее закончилось, лишь бы прекратить это мучительное ожидание, и просто сделал то, что от него требовалось, — открыл рот.

Клоун усмехнулся, увидев его смирение. Наклонил половинку капсулы и позволил содержимому попасть на язык Филиппу.

— Ну что ж, твоя очередь, ты, дорогуша, — промурлыкал клоун, и вторую половину капсулы отдал Глебу. Тот даже не моргнул, проглотив ее с жадностью.

— А теперь спать! Немедленно! Когда проснетесь, будете полны сил. Помните — это ровно на одну неделю. Если захотите продолжить, мой телефон на этой визитке. — Клоун протянул им по маленькой карточке с криво нарисованной рожицей и номером телефона. — Будьте готовы, что за услугу всегда взимают плату. А то, что я дал вам сейчас, — это, так сказать, демонстрация силы, а не какая-то упреждающая благодать. Плата может быть разной... и не всегда приятной.

С этими словами клоун развернулся и вышел из палаты, оставив после себя гнетущую тишину и странный, терпкий запах. Глеб навзничь рухнул на кровать и тут же провалился в глубокий сон. Филипп, чувствуя странную апатию, последовал его примеру. В палате воцарилась тишина.

Мальчики мгновенно провалились в сон. Не в спокойное забытие, а в глубокий, неестественный транс. Их воля была насильно подавлена.

Глава 3. Вкус жизни

В восемь утра второго июля доктор Андроник передал смену дежурному доктору и отправился отсыпаться домой на 13-ю Красноармейскую, бывшую Роту Измайловского полка. Здесь нашли приют надежные защитники трона и российских земель, те, кто являлись опорой при возникновении волнений. Но, спасая других, они ставили под удар своих родных.

Решительно развернулся перед светофором и направился во дворы Озерного проспекта.

Крошечную кофейню «ТЧК» он нашел больше 10 лет назад.

Ему было невыносимо, что старшая дочь навечно останется семилетней. А любимая жена Майя не прижмется так крепко, что вязаный рисунок оранжевого свитера отпечатается на ее щеке.

Два года, два проклятых года он бесцельно бродил по улицам. Сидел на гранитных ступеньках около озера, смотрел, как шпили императорской башни пронзают высокое небо. Его сил не хватало, даже чтобы приготовить еду для четырехлетней Леры. От четырех до шести — самых прекрасных «почемучкиных» лет — он присутствовал в жизни дочери лишь номинально.

Слава Пегасу, что Агата взяла на себя заботу о его дочери. А ему приказала ходить среди конюшен, гладить морды животных и кормить их яблоками.

— Где мама, папа и сестренка? — спрашивала каждый день Лера у Агаты.

— Мама с сестренкой на небе, а папа в конюшнях, лошадей кормит, — неизменно отвечала Агата.

Вот в одну из таких прогулок он и набрел на микроскопическую кофейню в бывших конюшнях. Стоит свернуть с Полковой и нырнуть в первую арку, как он уже на месте. Всего одиннадцать квадратных метров. Понимающий бариста молча принес двойной эспрессо и стакан воды.

— За счет заведения. — Чуть склонил голову и вернулся за стойку.

Доктор Андроник поднес к губам чашку и сделал глоток.

— Ох, — вырвался всхлип.

— Теперь попробуйте вот это. — На блюде лежала неровная выпечка в аппетитных трещинах. Верх покрывала золотистая корочка, припудренная утренняя солнцем.

Доктор Андроник поднял к нему залитое слезами лицо.

— Это творожная печенка, — пояснил бариста. — Мы подходим творчески и создаем авторское, самобытное. Будете нашим персональным тестировщиком?

В этот момент Андроник впервые почувствовал себя в безопасности. Он сделал попытку улыбнуться, и каменное лицо пошло трещинами-морщинами. Слезы капали прямо в кофе. Бульк. Бульк. Бульк. Пришло время возвращаться в реальность. К брошенной дочери, к своим пациентам и к своему призванию. Пора было перестать рвать свое сердце в клочья.

И теперь каждый раз, когда требовалось проветрить мозги и разложить все по полочкам, он шел сюда. Вначале сворачивал с оживленной Полковой, проскользнув в первую арку, оказывался в небольшом дворике с ретроавтомобилем. Слева от двери, под старым венским стулом, где вместо сиденья стояла кадка с миниатюрной крымской сосной, пряталась мисочка с чистой водой для городских котов. В терракотовой стене — деревянная дверь, как в средневековых тавернах. Она поскрипывает тягуче, уютно, когда впускает странников. Вот дверь захлопывается, и наступает момент, который ты чувствуешь кожей: тебя здесь никто не потревожит.

Просто невероятная удача, что кофейня открывалась так рано. Вечерние сумерки все еще плотно обнимали город, неохотно уступая место утреннему свету. Внутри, кроме немного сонного бариста, ни души.

— Как обычно! — кивнул он ему по-приятельски, стараясь скрыть дрожь в голосе, и прошел к своему любимому столику у окна.

Сейчас ему просто необходимо побыть одному. Навести порядок в разворошенных мыслях. Собраться с силами. И придумать, как рассказать дочери... Как рассказать Лере о событиях двенадцатилетней давности? О том кошмаре, который он так надеялся похоронить навсегда? О том, что все началось снова. Что тень прошлого нависла над ними, угрожая поглотить все, что ему дорого. И самое страшное — он чувствовал, что на этот раз он не сможет ее защитить.

Тем временем в старинном корпусе больницы в палате на четвертом этаже одновременно проснулись Глеб и Филипп. В коридоре еще не началась привычная утренняя суэта: голоса медсестер, дребезжащие тележки. В шесть часов утра в палате полумрак.

— Ну ничего себе! — воскликнул Филипп, вскакивая с кровати. В нем бурлила энергия, которой, казалось, хватит на десятерых.

Глеб же осторожно спустил ноги на пол, медленно, боясь разбудить что-то, и прислушался к своим ощущениям.

— А я знал, что так и будет, — медленно проговорил он, растягивая слова. — Ведь я всегда выполнял все требования. Я хороший. Все, что он говорил, он все правильно говорил.

— Ты великолепный! — съязвил Филипп. — Но как нам объяснить то, что с нами произошло? — С разбега прыгнул на подоконник, балансируя на одной ноге, и лихо сделал сальто через спину на пол.

— Прекрати! — зашипел Глеб, нервно оглядываясь на дверь. — Ты с ума сошел? Нельзя никому об этом рассказывать! Просто скажем, что подействовала химиотерапия и мы вышли в ремиссию. Понял? Химиотерапия.

— Где мои крылья, — распевал Филипп, бегая по палате и смеясь, размахивая руками, как птица, готовящаяся взлететь.

— Ты нас раскроешь! Ты идиот! — Глеб выплевывал слова, его лицо побагровело от злости, с губ брызгала слюна. В глазах плескалась ненависть. Он завидовал Филиппу, который так бездумно тратил свою энергию. Глеб хотел то же самое, но не мог позволить себе такого. Он другой.

— Расслабься, красавчик с шикарной шевелюрой! Мы живы, понимаешь? Мы живы! Ура! Не это ли повод для радости? Хватит зудеть, как комар на липкой ленте! — Филипп остановился перед Глебом, заглядывая ему прямо в глаза, и ждал реакции. Ему нравилось злить Глеба, выводить его из себя, наблюдать, как в нем просыпается эта темная, животная злоба. И он понимал, что Глеб ненавидит его.

— Ты... Ты просто выскочка! — прошипел Глеб, сжимая кулаки. — Думаешь, ты самый умный, да? Думаешь, все тебе должны завидовать?

— Да нет, что ты, — усмехнулся Филипп. — Просто ты такой... предсказуемый. Такой...

Последнее слово стало спусковым крючком. В глазах Глеба вспыхнула ярость. Он резко вскинул руку и ударил Филиппа в лицо.

Филипп отшатнулся от неожиданности, схватившись за щеку.

— Ах ты, сукин сын! — охнул и бросился на Глеба.

Завязалась драка. Оба еще не привыкли к новому состоянию, и поэтому то и дело промахивались. Филипп использовал свою ловкость, но Глеб был более крепким и упорным. Он яростно наносил удары, не целясь, вкладывая в каждый удар всю свою злость.

Они катались по полу, срывая постельное белье. Удары сыпались со всех сторон. Глеб ударил Филиппа в живот, и тот согнулся от боли. Глеб навис над ним, готовясь нанести еще один удар, но Филипп изловчился и пнул его в пах.

Глеб закричал от боли и отвалился в сторону, держась за низ живота. Филипп тяжело дышал, с трудом поднимаясь на ноги. Он смотрел на Глеба, лежащего на полу, и испытал стыд.

— Ненавижу тебя! — прохрипел Глеб, глядя на Филиппа полными ненависти глазами.

— Знаю, — усмехнулся Филипп, вытирая кровь с лица. — И это взаимно. Но теперь мы квиты.

Дверь палаты распахнулась от сквозняка. По утрам всегда проветривали. На пороге... никого. Тишина. Только в коридоре слышны приглушенные голоса и далекий скрип тележки.

Филипп опустил взгляд, чувствуя, как краска заливает щеки. Что он наделал? До чего докатился?

— Мне... Мне очень жаль, — пробормотал Филипп, обращаясь скорее к себе, чем к Глебу. — Я... Я просто сорвался. Не сдержался.

Глеб лежал на полу, скрючившись от боли, его лицо исказила гримаса ненависти. Он молчал, не сводя злобного взгляда с Филиппа.

Филипп подошел к Глебу, присел на корточки рядом с ним.

— Глеб, послушай, — тихо сказал он. — Я правда не хотел... Я не знаю, что на меня нашло.

Глеб ничего не ответил. Он отвернулся от Филиппа, демонстрируя свое презрение.

— Ну Глеб, ну чего ты. — Филипп попытался тронуть его за плечо, но тот резко дернулся.

— Не трогай меня! — прошипел Глеб сквозь зубы, не поворачиваясь. — Ненавижу тебя. Слышишь? Ненавижу!

Филипп опустил руку, чувствуя, как стыд и раскаяние сменяются раздражением и злостью. Он пытался извиниться, пытался загладить свою вину, но Глеб не давал ему шанса. Он не хотел прощать.

— Как хочешь, — буркнул Филипп, поднимаясь на ноги.

Он отвернулся от Глеба и направился к своей кровати. Стыд, злость, раскаяние, раздражение — все смешалось в невыносимой каше. Он хотел все исправить, но не знал как. И еще то, что он потерял контроль над своим телом. Ему в определенный момент даже понравилось делать больно Глебу. Мощная волна злости несла его и поглощала остатки личности и крохи здравого смысла. Несмотря на то, что между ними никогда и не было дружеских отношений. Только перепалки и обреченность сокамерников. Тишина в палате давила, как плита, только сдавленное дыхание Глеба нарушало ее. Филипп понимал, что эта тишина — гораздо страшнее любого крика. Он испугался того, что скрывалось внутри него.

Филипп решительно подошел к шкафу и начал торопливо собирать свои вещи. Складывал в сумку первую попавшуюся одежду, зубную щетку, полупустой тюбик, жидкое мыло и одноразовые салфетки. Единственным желанием было поскорее убраться из этой палаты, из этой больницы, подальше от давящей тишины и ненавидящего взгляда Глеба.

— Куда это ты собрался? — язвительно спросил Глеб. Голос звучал хрипло и злобно.

Филипп проигнорировал его вопрос, продолжая собирать вещи.

— Сбежать решил? — продолжал Глеб, не унимаясь. — Думаешь, убежишь от проблем? Думаешь, сможешь просто так забыть то, что произошло?

— Отстань от меня. — Филипп не смотрел на него.

— А что, правда глаза колет? Или боишься, что я расскажу всем, какой ты герой? Расскажу, как ты извинялся передо мной, сопли на кулак наматывал, как прощения просил?

Филипп резко обернулся, в глазах плескалась ярость.

— Заткнись!

— А что мне будет? — Глеб ухмыльнулся, приподнимаясь на локте. — Что ты мне делаешь? Опять начнешь драться?

Филипп сжал кулаки, сдерживая гнев.

— Я ухожу, — твердо сказал он. — И советую тебе не лезть ко мне.

— И куда же ты пойдешь? — В голосе Глеба зазвучало какое-то странное, зловещее любопытство.

Филипп замолчал, понимая, что Глеб прав. Но оставаться здесь он не мог.

— Ладно, — вздохнул Глеб, с трудом поднимаясь с кровати. — Я с тобой.

Филипп удивленно посмотрел на него:

— Что? Зачем?

— Затем, — огрызнулся Глеб, натягивая штаны. — Не хочу тут оставаться один. И вообще, вдвоем веселее будет. Или ты меня боишься?

Филипп промолчал, подозревая, что Глеб затевает недоброе. Но выбора у него не было.

— Ладно, — сказал он. — Но учти, никаких глупостей.

— Посмотрим, кто еще тут будет глупости делать, — пробормотал Глеб себе под нос.

Они вышли из палаты крадучись. В коридоре было тихо, лишь изредка мелькали тени медсестер. Они старались держаться незаметно, прижимаясь к стенам.

Внезапно из-за угла выскочила заспанная медсестра с чашкой кофе в руке. Увидев их, она удивленно ахнула.

— Вы куда это? — спросила она, нахмурившись.

Филипп и Глеб переглянулись.

— Мы... вещи грязные передать, — неуверенно сказал Филипп.

— А родители сами не могли забрать? — Медсестра подозрительно посмотрела на них.

— У меня бабушка старенькая, Саида Петровна, да вы ее знаете...

— Ну кто же ее не знает. — Медсестра усмехнулась. — Тогда, конечно, несите, от греха подальше. Связываться с ней себе дороже.

Наконец они добрались до лестницы и, не разбирая ступеней, ринулись вниз. Каждый шаг добавлял адреналина и восторга.

На одном из пролетов они столкнулись с Константином Ясоновичем, заведующим отделением. Высокий, худощавый мужчина с аккуратно зачесанными назад волосами и пронзительным, изучающим взглядом. Странно, что сейчас на нем была надета несуразная спортивная куртка кислотного цвета, совсем не в его стиле.

«Вот черт!» — пронеслось в голове у Филиппа.

Константин Ясонович остановился, прищурившись.

— Куда это вы так спешите, молодые люди? — спросил он своим фирменным скрипучим голосом.

Филипп растерялся, не зная, что ответить. Но Глеб, на удивление быстро сориентировавшись, выдал:

— Да вот, вещи грязные нужно отнести в прачечную. Слишком много накопилось.

Константин Ясонович внимательно посмотрел на них, пытаясь прочесть их мысли. На лице не дрогнул ни один мускул.

— В прачечную, значит? — повторил он медленно, пробуя слова на вкус. — Ну-ну. Смотрите не заблудитесь.

С этими словами он посторонился, пропуская их.

Филипп и Глеб, облегченно вздохнув, поспешили мимо, стараясь не встречаться с ним взглядом. Но Филипп успел заметить улыбку, игравшую на губах Константина Ясоновича.

Внизу они столкнулись с Марьсанной, уборщицей, которая с удивлением уставилась на них, зажав в руке тряпку. Они просто пробежали мимо, не обращая на нее внимания. Марьсанна пожала плечами и продолжила мыть пол, бормоча что-то себе под нос про «совсем с ума посходили, ни свет ни заря носиться как угорелые».

Они выбежали во внутренний дворик больницы. Садовник поливал цветы. Еще один шаг — открыли калитку и оказались на свободе. Но свобода не принесла облегчения. В душе у

Филиппа поселилась тревога, ощущение надвигающейся беды. Ведь чтобы убедить бабушку, придется приложить все свои творческие способности.

— Не прощаюсь. — Глеб заказал в приложении такси. Что-что, а деньги у него всегда водились.

— Надеюсь, что наоборот, — пробурчал Филипп и направился к квартире бабушки. Идти пешком всего десять минут.

Вырвавшись из больничных стен, Филипп жадно вдохнул летний воздух Санкт-Петербурга. Он огляделся вокруг, словно впервые увидел этот город. Солнце заливало улицы теплым, золотистым светом, отражаясь в сверкающих витринах магазинов. Пронзительно голубое небо, с легкими перистыми облаками.

Он шел по тротуару, щурясь от яркого света, и улыбался, как безумец. Ему хотелось бежать, кричать, обнять весь мир. Он жив. Он свободен. Он чувствовал, как кровь бурлит в его венах, как каждая клетка его тела ликует.

В парке заливались трелями птицы, перелетая с ветки на ветку. Несмотря на раннее утро, на скамейках сидели молодые пары, держась за руки и тихо шепча друг с другом. Дети гоняли мяч, смеясь и визжа от восторга. Молодые девушки, одетые в легкие летние платья, дефилировали по улицам, демонстрируя свои стройные ноги и лучезарные улыбки. Филипп не мог отвести от них глаз. Он ощутил прилив чувственности и желание жить, любить, наслаждаться каждым мгновением.

На углу играл уличный музыкант, виртуозно перебирая струны гитары. Легкая и беззаботная мелодия, созданная для этого солнечного дня. Филипп остановился, заслушавшись. Он закрыл глаза и представил, как танцует под эту музыку с красивой девушкой, влюбленной в него.

Он шел дальше, впитывая в себя все краски и звуки летнего города. Ощущал себя частью этого мира, частью этой жизни. К нему возвращаются силы, болезнь отступает, оставляя место для радости и надежды.

«Я жив, — повторял он про себя. — Я буду жить. Я буду наслаждаться каждой минутой, каждой секундой. Я буду любить. Я буду счастлив».

Он шел по улицам заново рожденный. Радовался солнцу, птицам, красивым девушкам. Чувствовал жизнь, ощущал ее вкус, ее аромат, ее сладость. И в этот момент он был по-настоящему счастлив. Пусть даже это счастье мимолетное и хрупкое, как бабочка, севшая на его ладонь.

Мир манил своей непредсказуемостью и ощущением свободы. Свободы бегать босиком по траве, купаться в фонтанах, ощущать вкус еды и самой жизни. А почему бы и нет? Он так давно не видел Летний сад! А там и фонтаны, и трава. Сказано — сделано. Недаром его бабушка звала человеком слова. Тем более до него совсем недалеко, не больше четырех километров.

Ворота с эмблемой страшной головы с растрепанными волосами. Нужно посмотреть историю этого ужасного лица. Филипп поежился от странного ощущения, удавкой охватившего горло, расстегнул ворот рубашки и поспешил внутрь сада. Ощущение удавки пропало. Как здесь тихо! И птицы... Сел на зеленую лавочку у входа и заслушался. Птицы о чем-то предупреждали, звали, перелетая с липы на липу. Да это же северный соловей — вспомнил, как отец учил его различать птиц. Встал и пошел за маленькой серенькой птичкой. Так как голову он держал поднятой вверх, то не увидел за оградой человека в кислотно-зеленой куртке и с кольцом в ноздре. Тот буквально впился в Филиппа глазами. Несколько раз порывался войти внутрь, но что-то его не пускало. Невидимый барьер при каждой попытке отбрасывал его назад. Соловей прилетел к Чайному домику и затих среди веток старейшего дуба, который посадил еще основатель города.

— О чем же ты хочешь мне поведать, соловушка? — пробормотал Филипп и закатал лямбные брюки выше колена. Деловито снял кожаные сандалии.

Свое путешествие начал с фонтана на Царской площадке, после омочил ноги в фонтане с Нереидой. В Парадный партер влезть не рискнул, его бы сразу выдворили из сада. Умылся в Коронном фонтане, вволю поплескался на Шкиперской площадке в Гербовом фонтане, на третьей площадке струя воды привела его в восторг. Ах да, неловкость, за ним там погнались служители сада! Но он-то молодой. Сверяясь со своей памятью, успел одной ногой залезть в фонтан Пирамида, напоследок помахал двум лебедям в Карповом пруду и выбежал на набережную.

— Я живу! Я свободен! Здравствуйте, люди! — крикнул он прохожим и туристам, распахнув руки навстречу солнцу. Радость переполняла его. Он чувствовал себя заново рожденным, очищенным и обновленным.

— Что же происходит с молодежью! — пробурчали вслед две вычурно одетые дамы.

— Прошу прощения, леди! — крикнул он им в спину.

Как же он счастлив! Его омыли все фонтаны Летнего сада, а можно даже сказать, все воды мира. Жизнь была ключом, и этот ключ открывал двери в новый, неизведанный мир, полный возможностей и надежд. Он дышал полной грудью, наслаждаясь каждым мгновением, каждой каплей этого невероятного счастья. Он жил!

Филипп не успел насладиться своим новообретенным счастьем, как увидел ее. Бабушку. Знаменитую Саиду Петровну, которую боялись все медсестры и врачи.

Она стояла у ворот Летнего сада, опираясь на свою трость.

Филипп замер, как кролик, попавший в свет фар. Он знал, что она сейчас скажет, как будет ругать его за побег, за то, что подвергает себя опасности. Но не ощущал страха. Только теплое, щемящее чувство вины и любви.

— Филипп? — Ее голос прервался на всхлип.

— Бабушка! — Филипп бросился к ней, забыв про свою босоноготь и мокрые брюки.

Саида Петровна отшатнулась, будто боясь прикоснуться к нему, как к хрустальной вазе. Она изучала его лицо, его руки, его глаза, пытаясь убедиться, что это не мираж.

— Филипп, это ты? Это правда ты?

— Я, бабушка, я! — Филипп обнял ее крепко-крепко, чувствуя, как она дрожит в его объятиях.

Она заплакала. Слезы текли по морщинистому лицу.

— Но... как? Что случилось? — спросила она, отстраняясь и продолжая изучать его лицо. — Ты же... Ты же так плох.

— Это... Это лекарство, бабушка. — Филипп замялся, не зная, что сказать. — Экспериментальное. Мне его дали в больнице.

— Лекарство? Какое лекарство? — Саида Петровна нахмурилась, ее взгляд стал подозрительным. — Почему мне никто ничего не сказал?

— Они хотели убедиться, что оно работает. — Филипп быстро придумал правдоподобную историю. — Видишь? Работает! Я чувствую себя... прекрасно!

Он закружился вокруг нее, смеясь и взмахивая руками. Бабушка смотрела на него, не отрываясь. Ее глаза сияли.

— Я не верю, — прошептала она. — Это чудо. Самое настоящее чудо.

Она снова обняла его, прижавшись к нему так сильно, словно боялась, что он исчезнет.

Они вызвали такси и поехали домой. Филипп не отпускал руки бабушки всю дорогу.

Дома было тихо и уютно. Пахло пирогами с яблоками, которые испекла бабушка, пока Филипп находился в больнице. Она всегда пекла их, когда грустно.

Едва переступив порог квартиры, бабушка снова заплакала. Она обняла Филиппа и долго молчала, прижимаясь к нему.

— Я так боялась, что потеряю тебя, — прошептала она, наконец отстраняясь. — Ты — все, что у меня есть.

Филипп обнял ее в ответ. И в этот момент он верил, что все будет хорошо. Что лекарство действительно поможет ему. Что они будут счастливы вместе. И что больше никогда, никогда он не увидит слез на ее лице. Он никому не позволит, чтобы она плакала.

— Но это не отменяет твоих обязанностей. — Тон бабушки изменился. А это значит, что она вновь стала собой. — Зевса необходимо выгулять.

Зевс, маленькая склочная старая собачонка с кривыми желтыми зубами, пристроилась к ноге Филиппа.

— Вот же гадость...

— Он такое же живое существо, как и ты. И имеет право на уважение и на отправление естественных потребностей. Поэтому смени мокрые брюки и вперед, на прогулку.

Глава 4. Возвращение в город

Кавелахта... Само название поселения звучало для Леры как злая насмешка. Она здесь чужая, лишняя. Покосившиеся деревянные дома, заросшие крапивой огороды, тишина, нарушаемая лишь карканьем ворон и скрипом старой колодезной цепи, угнетали ее с каждым днем все сильнее. Здесь время остановилось. Лера чувствовала, как ее собственная жизнь замирает вместе с ним.

Беспомощность душила. Она, привыкшая к ритму большого города, к потоку информации, к возможности действовать, — отрезана от мира. Мобильная связь почти не ловила, и даже книги казались чужими.

Отец... Он стал тенью самого себя. Раньше Лера видела в нем сильного, уверенного в себе мужчину, врача, спасающего жизни. Теперь перед ней сломленный человек. Он не осмеливался поднять голову, боялся посмотреть правде в глаза. И это бесило Леру больше всего.

Параскева... Добрая, отзывчивая, но такая же загадочная, как и вся эта проклятая деревня. Она смотрела на Леру с какой-то жалостью. Вечером Лера не выдержала и обратилась к Параскеве.

— Скажите мне правду, — попросила Лера, глядя ей прямо в глаза. — Что происходит? Почему я здесь? Что отец от меня скрывает?

Тетя долго молчала. Наконец вздохнула:

— Ты была совсем маленькой, Лерочка, когда это случилось. Тебе исполнилось тогда четыре года. Твоей сестренке, Ангелине, семь. Однажды ночью вы возвращались домой. Но не все доехали. Твоя мама и Ангелина исчезли.

Лера слушала, затаив дыхание, чувствуя, как по спине бегут мурашки. Она никогда не слышала об этом раньше.

— Искали их долго, — продолжила тетя совсем тихо. — Но нашли только Ангелину.

Лера почувствовала, как сердце уходит в пятки.

— Где? — спросила она едва слышно. — Где ее нашли?

— Под мостом.

Лера зажала рот ладонью.

— Она ... — Параскева запнулась, не решаясь продолжать. — Спеленутая, как мумия. Без единой капли крови. И с камертоном на груди.

Лера похолодела. Камертон? Зачем? Кто мог такое сделать?

— Маму так и не нашли, — закончила тетя Параскева, поднимая на Леру полные слез глаза. — С тех пор прошло двенадцать лет. Твой отец так и не оправился. Он всегда чувствовал себя виноватым. За тобой присматривала Агата. Ты жила у нее в оранжерее, помнишь?

Лера молчала, потрясенная услышанным. В голове не укладывалось, как такое могло произойти. Кто мог похитить ее сестру и мать? И зачем? Что значил этот камертон на груди сестренки? И почему отец так упорно молчал? Вопросов больше, чем ответов.

Она должна узнать, что на самом деле произошло двенадцать лет назад.

Каждый шорох, каждый скрип половиц, каждое завывание ветра за окном казались Лере предзнаменованием чего-то ужасного. Вначале она не могла уснуть ночью, а потом не могла выйти из кошмара. Во сне ей являлась маленькая девочка, спеленутая, как мумия, с бледным лицом и остекленевшим взглядом. На груди у нее лежал камертон, и он издавал пронзительный, невыносимый звук. Но сквозь кошмар она уловила тот самый запах жасмина, который любила мама. Лера держала в тумбочке флакон из-под ее любимых духов. Когда становилось совсем грустно, отвинчивала крышку и вдыхала его. Запах — единственное, что будило воспоминания. Кто-то, едва касаясь, успокаивающе провел рукой по голове и пропел строчку из колыбельной песенки.

В шесть утра она начала собирать вещи, запихивая их в рюкзак.

Эта деревня стала для нее настоящей пыткой. Она чувствовала себя запертой в клетке, окруженной недомолвками. Лера больше не могла дышать этим воздухом, смотреть на эти однообразные пейзажи. Она должна вырваться отсюда, найти ответы. И она сделает это, чего бы ей это ни стоило. Даже если придется пойти против воли отца. Она больше не позволит, чтобы ее жизнь контролировали чужие тайны и страхи. Она сама станет хозяйкой своей судьбы.

В комнату вошла тетя. Она молча наблюдала за Лерой.

— Куда ты собралась, Лерочка? — спросила она тихо.

— Уезжаю, — ответила Лера, не поднимая глаз. — Больше не могу здесь оставаться.

— Но... как же отец? Для него очень важно, чтобы ты переждала опасность именно здесь...

— Я не могу ему помочь. — Лера наконец подняла глаза. — Я сама нуждаюсь в помощи. В этой деревне я схожу с ума. Я задыхаюсь.

— Ты ведешь себя как ребенок! — Голос тети Параскевы дрогнул. — Куда ты поедешь? Что ты будешь делать? Ты ничего не знаешь! Ты можешь только навредить себе и всем остальным!

— Я найду способ, — твердо ответила Лера. — Я должна узнать правду и понять, что произошло с моей сестрой и мамой.

— Это безумие! Ты еще слишком молода, ты не знаешь, с чем тебе придется столкнуться!

— Я знаю больше, чем ты думаешь, — огрызнулась Лера. — Ты думаешь, я не понимаю, что вы все скрываете? Что отец прячет свои страхи, а ты пытаешься меня защитить? Но я больше не ребенок.

Между ними повисла напряженная тишина. Тетя выглядела растерянной и беспомощной. Она подошла к Лере, попыталась обнять ее, но Лера отстранилась.

— Пожалуйста, не надо, — сказала она холодно. — Не надо меня останавливать.

— Ты совершаешь ошибку, Лерочка, — прошептала тетя, слезы заблестели в ее глазах.

— Возможно, — ответила Лера. — Но я не могу по-другому.

Она вышла из комнаты и направилась к выходу. Тетя Параскева, сгорбившись, осталась стоять в дверях, глядя ей вслед.

Выйдя из дома, она пошла по дороге, ведущей к перрону. В семь утра там как раз проехала электричка до Санкт-Петербурга. Накапывал мелкий, противный дождь.

На кухне пахло пирожками. Всеобъемлющий и манящий аромат, казалось, можно потрогать и завернуться, как в теплое одеяло.

Филипп вскочил с кровати. Отодвинул ногой лежащего на коврик маленького, склочного старичка Зевса. Тот только твякнул во сне, недовольно дернул лапой и продолжил спать. Ему-то такие пирожки перепадали каждый день, он уже привык.

По дороге на кухню Филипп нечаянно задел чеканку с печальной хрупкой девушкой, наклонившей кувшин с водой. Спешно поправил, стараясь не разбудить бабушку. На руке осталась пыльная полоска.

Стены коридора их маленькой двухкомнатной квартиры сплошь увешаны такими чеканками. Как только погибли родители, бабушка стала ходить на барахолки, на блошинные рынки, рыться в мусорках, чтобы отыскать и сохранить осколки прошлого. Саида Петровна — сирота, дитя войны. Кто ее родители, никто не знал. Лишь нос с характерной горбинкой, огромные черные глаза, горящие внутренним огнем, и грива роскошных смоляных волос указывали на ее национальность, напоминая о гордых и свободолюбивых предках.

Голод заставил накинуться на сложенные под полотенцем горкой румяные и пышные пирожки. Филипп глотал их, не жуя. Очнулся, когда на столе осталась пустая тарелка с крош-

ками. Он так давно не ощущал вкус еды. Раньше, до болезни, от половины такого пирожка его сразу выворачивало наизнанку, сейчас же он проглотил их все. Он был счастлив. Потому что чувствовал вкус жизни. И знал, что бабушка снова напечет, потому что для нее нет большего счастья, чем видеть его сытым и здоровым.

Прислушался к себе — никаких позывов. Лишь сытое умиротворение зверя, набившего брюхо.

— Бабушка! Очень вкусно, спасибо!

На кухню вбежала Саида Петровна и всплеснула руками.

— Неужто съел? — Она перевела взгляд на пустую тарелку и осела на табуретку. — Не может быть!

Филипп блаженно улыбался и гладил себя по раздувшемуся животу.

Саида Петровна собралась мгновенно. У нее созрел план действий.

— Нужно извиниться перед доктором Андроником, я к нему несправедлива.

Она достала из духовки другую партию пирожков с яйцом и зеленым луком. Обернула их в хлопчатобумажное полотенце.

— Сходишь к нему, я адрес узнала, отнесешь гостинцы и поблаговаришь.

— Я давно хотел тебя спросить, зачем так много чеканок у нас? — Филипп попытался уйти от поручения.

— Не твое дело.

— Я люблю тебя бабушка. — Филипп похлопал себя по лысой голове. — У меня нет чудесной шевелюры твоего народа. — И продолжил, заметив, как смутилась бабушка: — Я могу сегодня протереть все чеканки. Под потолком они все пыльные. И голову мыть не нужно, протру тряпочкой и — просяю!

— После того как вернешься! Непременно. Уж я-то прослежу.

Театрально вздохнув, Филипп повесил голову и сделал вид, что идет к двери, передвигая ногами на одном месте и широко размахивая руками.

— Иди уже! — строго прикрикнула бабушка.

И Филипп пошел.

Погладил свернувшегося крендельком Зевса с высунутым клыком, желтым от старости. Морда устрашающая, а на деле совсем не опасный.

«Прям как моя бабушка», — промелькнула мысль и пропала.

Когда добрался на 13-ю Красноармейскую, где располагались бывшие ротные казармы, то влетел на второй этаж, ощущая бешеную энергию. Задорно ткнул в кнопку звонка и приготовил пакет с пирожками.

Дверь открылась, и в проеме появилась... она. Та самая девушка с чеканки, которую он толкнул плечом утром в коридоре у бабушки. И одновременно та, которая пронеслась мимо него в больнице. Та, которая искала похищенную Сонечку.

Филипп застыл.

Лера молча обозревала застывшую скульптуру лысого молодого человека, державшего на вытянутых руках пакет, из которого умопомрачительно пахло. Догадавшись, что не дождется от него ответа, крикнула в глубь квартиры:

— Папа, это к тебе. Пациент. Ты их научи здороваться, что ли. — С этими словами Лера впустила его в квартиру.

— Давай мне. — Она вытянула руку к пакету. Пальцы выглянули из непомерно огромного худи. Ногти неровно обломаны, кутикулы с микротрещинами. Заметив, куда смотрит Филипп, быстро спрятала кисти рук в рукава. — Нечего пялиться, как баран на новые ворота.

— Лера, — укоризненно протянул доктор Андроник, вышедший встречать гостя. — Где твои манеры?

— В конюшне остались, — фыркнула она и продолжила: — Я всадница, и прислуживать не нанималась.

Доктор Андроник выразительно посмотрел на дочь и демонстративно прочистил горло.

— Проходи в гостиную, рад, что тебе гораздо лучше. И это точно не моя заслуга.

Филипп наклонился, чтобы снять сандалии, стараясь незаметно отряхнуть мятые до колен брюки. Радуюсь, что не видно его лица.

— Бабушка просила передать гостинцы. — Он выпрямился, так и не расстегнув сандалии. — Я не планировал беспокоить вас.

— Я тебя не отпущу без чая и без твоего рассказа, как тебе стало настолько лучше, что ты и Глеб исчезли, не поставив никого в известность.

Странная это была квартира. В прихожей царил дух прошлых веков. Деревянный паркет поскрипывал, теплый желтый свет лампы приглашал расслабиться. Филипп чувствовал на себе насмешливый взгляд Леры и постепенно приходил в себя. А почему бы и нет? Вообще, он пришел к доктору по важному делу, и никакие подколки этой самодовольной девицы его не смутят. Просто это эффект неожиданности.

Круглый стол из темного дерева, такие же стулья, кажется их называют венскими, спинка деревянная с изогнутыми прутьями. Хм, довольно удобно.

— Я так давно не ел пирожков с яйцами и зеленым луком. — Доктор Андроник разломил пирожок пополам и вдохнул аромат. — Передай бабушке, что она волшебница. Так что способствовало излечению всей вашей палаты? И вашему побегу?

— Мы просто выполняли все ваши требования и усердно лечились. — Филипп заерзал на стуле.

— Я ничего не понимаю, но я очень рад. — Доктор Андроник коснулся руки Филиппа.

— Пап, мне, вообще-то, пора на разминочное поле. Иначе Хасан заставит меня пройти силовой тест. — В проеме, сложив руки на груди, стояла Лера.

— Я никогда не бывал на настоящей тренировке, — вырвалось у Филиппа.

— Ну, так мы это устроим. — Доктор Андроник обернулся к дочери. — Лера, возьми Филиппа с собой?

— Больно надо! Я с ним нянчиться не собираюсь.

— Так мне нянька и не нужна, я не буду в тягость.

Доктор Андроник наблюдал за перепалкой. Потом подошел к дочери и тихо сказал только для нее:

— Будь осторожна. Все время держись рядом с людьми. Филипп — это страховка, что ты не будешь одна. Для моего спокойствия. — И что-то тихо сказал ей на ухо.

— Ладно, — нехотя протянула Лера. — Но, если он опять три часа будет обуваться или молчать, как надгробный камень, я его забуду в такси. Как ненужный чемодан с грязным бельем.

— Я очень-очень нужный чемодан, — обрел свое обычное насмешливое состояние Филипп. — Во мне столько всего интересного. Ты просто обалдеешь, если откроешь.

— Нечего мне туда заглядывать. Да и противно, наверное, — сбегая по лестнице, продолжала Лера. — Там наверняка скука смертная, больничная палата, белые стены, капельницы и бесконечная жалость к себе. О! — Она резко остановилась, заставив Филиппа чуть не врезаться в нее спиной. — Точно. — Она схватила его за подбородок и впилась в глаза своим пронзительным взглядом. — Ты весь пропитан жалостью к себе, ты ведь такой бедный и несчастный, больной, никому не нужный... Тебя только пожалеть и осталось.

Резко отпустила его, развернулась и выскочила на улицу. Солнце нагло запуталось в ее пшеничных волосах, превратив их в сияющий ореол, в нимб...

— Златовласка, — невольно выдохнул Филипп, очарованный, несмотря на всю злость и язвительность.

— Что-что? Не расслышала! Красавчик, ты едешь или как, сопли жевать будешь? — Лера уже запрыгнула на переднее сиденье рядом с водителем.

Филипп молча сел сзади, сдерживаясь. Кудряшки выбивались из ее тугой косы и светились на солнце, насмехаясь над его унылым видом.

Лера поймала его взгляд в зеркале заднего вида. Быстро оглянулась.

— Ты никогда нормальных людей не видел? У тебя глаза сейчас из орбит вылезут. В другое отделение загремишь, с извращенцами.

— Я тебя чем-то обидел? — нарочито спокойно спросил Филипп, чувствуя, как внутри нарастает волна негодования.

— Да из-за таких, как ты... — Лера демонстративно отвернулась к окну, оборвав фразу.

Оставшуюся дорогу до конноспортивного клуба они ехали в тягостном молчании, которое давило на Филиппа не меньше, чем больничные стены.

Огромные просторы и чистый воздух пьянили голову. Филипп едва поспевал за Лерой, оглядываясь вокруг.

— Что из-за таких, как я? — наконец не выдержал он, когда они вышли из машины.

Лера резко остановилась, так что Филипп не успел среагировать и натолкнулся на нее, ощутив вдруг неожиданно теплый, будоражащий запах — смесь свежего сена, дорогого парфюма и чего-то дикого, непокорного. Запах свободы.

— Из-за таких, как ты, отца никогда нет дома! — выплюнула она ему в лицо, с ненавистью глядя в глаза. — Он живет на работе! Выкладывается досуха, чтобы вылечить вас, безнадёжных. А ему говорят, что он... — Лера передернула плечами, передразнивая кого-то, и Филипп с ужасом узнал интонации и акцент своей родной бабушки: — «бессовестный и бессердечный!» А потом отец приходит домой и до утра изучает ваши личные дела. — Голос Леры дрогнул. — А я все это слышу... Знаешь, каково это? — В ее глазах стояли слезы, но она упорно сдерживала их.

— Подожди, — попытался остановить ее Филипп, коснувшись ее руки, но она резко отдернула ее, как от огня. — Я не знал...

— Да откуда тебе знать! — Лера уже не сдерживалась, ее прорвало. — Ты живешь в своем мире, где есть только ты и твоя болезнь! А на остальных тебе плевать! А потом ты внезапно «выздоровливаешь», и тебя и еще одного придурка выписывают быстренько, без здравств и прощайте! И отец опять виноват, что не уследил, не досмотрел, не так вылечил! Да чтоб вы все...

Лера, тяжело дыша, вновь зашагала к видневшимся вдали конюшням. Филипп стоял, не зная, что ему делать. Догонять ее и попытаться объяснить, что он не хотел причинить ей боль? Или держаться от нее подальше? Он почувствовал себя настолько виноватым, что хотелось провалиться сквозь землю.

В голове царил хаос. Что делать? Догонять Леру и извиняться? Или плюнуть на все и уйти? Ноги приросли к земле.

Тем временем со стороны рощицы прямо к нему приближалась всадница на лошади. Филипп невольно задержал дыхание, завороженный этим зрелищем. Летящие по ветру кудрявые волосы, облегающие черные бриджи и приталенный жилет поверх белоснежной рубашки с рукавами-фонариками делали ее похожей на амазонку из старинной легенды.

Наездница плавно остановила лошадь прямо перед ним и, слегка склонившись, окинула его оценивающим взглядом. Маленькое изящное колечко блеснуло в ее носу, придавая образу дерзкую пикантность. Возраст этой девушки или женщины был явно больше двадцати, но насколько именно? Филипп совершенно не разбирался в женском возрасте, да и раньше не особо интересовался. Одно он чувствовал точно — она старше его и гораздо опытнее, чем та угрюмая девочка Лера.

— Почему такой brutальный юноша совсем один? — Низкий, бархатистый голос, полный скрытой насмешки и... соблазна.

— Я... я вас ждал! — выпалил Филипп, сам не понимая, зачем это сказал. Ну а что? Он ведь не привязан к Лере. И если она его бросила здесь одного, то он имеет полное право заводить любые знакомства. А может, даже и отомстить ей таким образом.

Девушка приоткрыла чувственный рот и неторопливо облизала верхние зубы. В ее глазах блеснул огонек явного интереса.

— Катерина, — представилась она, грациозно спрыгивая с лошади.

— Филипп, — заплетающимся языком пробормотал он, робко протягивая руку для приветствия.

Катерина, проигнорировав протянутую руку, вдруг неожиданно прикоснулась своими губами к его губам. Легкое, дразнящее касание, казалось, длилось вечность. Филипп замер, как парализованный. Возбуждение, как электрический разряд, прорвалось по всему телу дрожью. И только после этого Катерина, лукаво улыбнувшись, отстранилась от него.

— Я угощу тебя кофе, — произнесла она, как будто ничего не произошло. — Я виновата, ведь я тебя так смутила.

— Где? — Филипп беспрестанно сглатывал, пытаясь хоть как-то смягчить пересохшее горло.

— Вон там, — Катерина небрежно показала рукой направление. — Повернешь направо и увидишь небольшое кафе. Не ахти что, но там чудные десерты.

— С конем? — невпопад спросил Филипп, и тут же покраснел от собственной глупости.

— Ах, что ты, нет, конечно. — Катерина звонко рассмеялась. — Его отведу в стойло, и через полчаса встретимся. Надеюсь, ты не против подождать?

— Да, то есть нет... То есть я... — Филипп окончательно запутался, не в силах связать и двух слов.

— До встречи, brutальный Филипп.

Катерина легко запрыгнула в седло, многообещающе улыбнулась сверху и, картинно взмахнув хлыстом, ускакала в сторону конюшен. Туда, куда совсем недавно ушла Лера. И Филипп остался один, разрываясь между искушением и чувством вины, не зная, что ему делать дальше. И куда, в конце концов, пойти.

Глава 5. Признание Агаты

Когда Лера вернулась домой, отец читал медицинский журнал. Даже под мягким светом лампы Лера заметила, как кожа обтянула скулы на усталом лице отца.

— Как погуляли? Филипп обрадовался, что кольцо нашлось? — Отец отложил журнал. — В больнице не снимал его ни на секунду, даже на процедурах. Целый скандал вышел с заведующим. Константин Ясонович кричал так, что все отделение слышало: «Я не позволю вводить тут свои порядки!», — отец спародировал истеричные интонации. — А Филипп молодец, выстоял. Говорит, это кольцо моего отца, и я его никогда не сниму.

— Я ужасно проголодалась. — Лера сжала кольцо в кармане жилета, чувствуя, как оно давит на ладонь. — Слона бы съела.

— Слонов не держим, а вот пирожки с зеленым луком от бабушки Филиппа есть. Да еще остатки пиццы. Будешь?

— Буду, все буду. Ты у меня самый лучший отец на свете. — Чмокнула его в макушку и умчалась мыть руки.

В ванной комнате Лера оперлась двумя руками на раковину, позволяя воде течь безостановочно в сливное отверстие. Так же, как сливала свою жизнь, как ей казалось.

— Ну почему у меня такой дурацкий характер? — спросила она у своего отражения в зеркале. — Вроде не уродина... — Лера провела указательным пальцем по бровям вразлет, чуть вздернутому носику и еще по-детски пухлым губам.

— И это безо всякого ботокса, заметь!

Достала из кармана кольцо и покрутила на ладони.

— Ведь я не знала, что это кольцо его отца. Но он сам виноват! — пыталась она убедить саму себя. — Вел себя как последний идиот. «Я не бывал никогда в конюшнях» — ну и что? Вот никогда бы и не побывал, и ничего с тобой бы не случилось. И зачем ты вообще приперся к нам домой?

Зачерпнула в ладони холодную воду и брызнула на лицо. Покрутила головой перед зеркалом. Вроде бы не заметно, что плакала. Не хватало еще отца расстраивать. Он и так какой-то странный. Смотрит на нее, как будто хочет что-то сказать, но не решается. «Может, про то, что я грызу ногти? Или по поводу Сонечки?» Лера решила пока не поднимать вопрос, что ее мучило, про сестру, про Соню. Нужно выждать удобный момент, пока отец забудет про кольцо. А пока... Лера ткнула указательным пальцем в свое отражение.

— Пока я пойду к Агате. Там у меня больше шансов, чтобы прояснить ситуацию. Из отца все равно ничего нельзя выудить.

За столом Лера впихнула в себя пирожок и кусок пеперони.

— Когда прожужешь, мы сможем поговорить о том, почему ты уехала из деревни.

— Угу. — Лера кивнула и приподняла брови. — Позже чуть-чуть. А пока у меня дела.

Пока отец не успел отреагировать, улыбнулась с набитым ртом и сбежала в прихожую обуваться.

— Лера, это серьезно, подожди. Мы должны поговорить. — В ответ хлопнула дверь, и доктор Андроник остался один.

Удалось уйти от расспросов сейчас, но не факт, что получится потом. Замерев на секунду за дверью, Лера прислушалась, не идет ли отец. Но нет. Все тихо.

Медленно, шаг за шагом поднималась по ступенькам, чтобы успеть прожевать кусок пиццы. Колбаски оказались засохшими и застревали в зубах. Вот эта дверь. Высокая со стеклянной вставкой вверху. Агата ловила солнце везде, где только можно, для своей оранжереи.

Постучала.

Еще раз.

Ответа не было.

Лера поднесла руку к звонку и только собиралась нажать на него, как дверь распахнулась. Серое лицо. Впавшие глаза. И оливковое платье. Она его не снимала с того дня, как пропала София.

Лера, несмотря на юный возраст, умела быть настойчивой. Особенно когда дело касалось близких ей людей. Двенадцать лет назад исчезли сестра и мать, и эта рана до сих пор кровоточила. Теперь, когда у Агаты похитили дочь, Леру терзало дежавю. Она чувствовала, что эти похищения связаны, что Агата что-то знает, но молчит.

Лера прошла за Агатой в полумрак гостиной. Женщина села в кресло. Безмолвно смотрела в пространство невидящим взглядом. Вокруг царил хаос: разбросанные фотографии Софии, смятые салфетки, недопитая чашка остывшего чая. Но Агата, казалось, ничего не замечала.

— Агата, — тихо позвала Лера, присаживаясь на краешек дивана.

Женщина не отреагировала. Лера вздохнула и повторила громче:

— Агата, это же я. Лера. Можно с тобой поговорить?

Агата медленно повернула голову. В ее глазах плескалось такое отчаяние, что Лера невольно съежилась.

— О чем ты хочешь поговорить? — прошептала Агата осипшим голосом. — Софии все равно уже ничем не поможешь. Ей осталось жить всего пятнадцать дней.

— Не говори так! — возразила Лера.

Агата горько усмехнулась:

— Ты думаешь, я не хочу ее найти? Но я ничего не могу сделать.

— Ты не бессильна! — настаивала Лера. — Ты можешь помочь. Расскажи все, что знаешь. Может быть, какая-то мелочь, какая-то деталь поможет нам ее найти.

Агата опустила голову, и Лера увидела, как по ее щекам побежали слезы.

— Вы с отцом что-то скрываете, — напомнила Лера. — Я подслушала ваш разговор: вы говорили про хаос, Пегаса, жнецов.

Агата вздрогнула, как от удара.

— Молчи... Это очень опасно.

— Опасно для Софии? — наредила Лера. — Тогда расскажи мне! Я должна знать! Мою сестру украли двенадцать лет назад. Я хочу знать, кто это сделал.

— Они называют себя Жнецами. Они собирают... души.

— Души? — переспросила Лера, нахмурившись. — Что за бред?

— Это не бред, — возразила Агата. — Это правда. Они забирают детей.

— Забирают... и убивают? — Лера почувствовала, как ее пробивает дрожь.

Агата кивнула, закрыв лицо руками.

— Они убьют Софию на макушку лета. Пятнадцатого июля. Если мы ее не найдем, она умрет.

— Кто они? — настаивала Лера. — Как их остановить? Ты должна! Ты ведь не просто так знала про этих жнецов!

Агата молчала, трясая головой.

— Скажи мне! — потребовала Лера, хватая ее за плечи. — Скажи мне! Что ты знаешь?!

— Я... я была одной из них, — прошептала она. — Когда-то давно... Но я ушла. Они вернулись. И теперь они забрали мою дочь.

Лера отшатнулась, потрясенная услышанным.

— Ты... ты одна из них? — переспросила она, не веря своим ушам.

— Да, — ответила Агата. — Точнее, меня называли обреченной охотницей. Я была молода и глупа. Я думала, что это все игра. Но потом я поняла, что это правда. И я сбежала.

Агата снова заплакала.

Лера не говорила ни слова. Только смотрела, пытаясь уложить все то, что ей сейчас сказала Агата, та, которая заботилась о ней, когда пропала мама и сестра, та, которая вытащила отца из депрессии. И оказывается, она была одной из них.

Агата подняла на нее заплаканные глаза.

— Я боюсь, — прошептала она. — Я знаю, что они убьют Софию. А у меня нет силы, чтобы противостоять им.

— Расскажи мне все, что знаешь.

Агата глубоко вздохнула и сказала:

— Я не могу тебе многое рассказать, иначе я повлияю на твой выбор. В этом я связана. Но ты должна пообещать мне одну вещь.

— Что? — настороженно спросила Лера.

— Если тебе выпадет шанс, ты спасешь Софию.

Лера кивнула, не раздумывая ни секунды.

— Обещаю, — сказала она твердо. — Я спасу Софию. Чего бы мне это ни стоило.

— Зевс! — Рвущаяся с поводка вздорная старая собака вернула его в реальность. Величавый дог со вздохом смотрел сверху вниз на взъерошенного Зевса, пережидая, когда хозяин догадается взять его на руки.

— Он тебе ничего не сделал, просто проходил мимо. Все имеют право здесь ходить, — внушал собаке Филипп. Хотя он знал, что делал это больше для приличия под надменным взглядом дога.

— Извините нас. — Филипп склонил голову в сторону дога и его хозяина и зашагал настолько быстро, насколько это возможно с гавкающим Зевсом у него на руках.

Прогулка почти всегда заканчивалась подобными происшествиями. Он облаивал абсолютно всех, от мала до велика. Поэтому Филипп старался выходить рано утром, когда город еще спал. Он любил эти прогулки. Тихие утренние сумерки, не тронутые рассветом. Воздушная листва на темных ветках лип, трели, щебет и клекот пернатых обитателей. Однажды даже удалось увидеть дятла. Филипп всегда носил в кармане смесь пшеницы, кукурузы и семечек. Щедро засыпал во все кормушки по пути.

— Я же на прошлой неделе купила три килограмма пшена?! — удивленно смотрела на пустую банку для круп бабушка. — Твои птицы нас разорят! И пенсии не хватит.

— Зато у меня появился друг!

— У тебя и так полная горница друзей. На каждом дереве.

— Этот особенный, он меня встречает и провожает на всем пути. Даже водил по Летнему саду.

— Иди руки мой, фантазер, и пыль протри с чеканок. Имей совесть выполнять свои обещания! — Бабушка напустила на себя тот самый вид, который говорил окружающим: «Меня не проведешь. Я вас насквозь вижу».

Филипп снимал чеканки с верхнего ряда, мурлыкал под нос веселый мотив и пританцовывал на табуретке. Уделив особое внимание той, которая так похожа на Леру, вздорную девочку с золотыми волосами.

— А почему у нас нет фотографий моего отца и мамы? Столько всего ты повесила, но нет фотографий моих родителей?

— Я сказала — нет! Не смей мне перечить! — повысила голос до критической отметки бабушка. — Пока это мой дом, здесь будет все по моим правилам. А когда умру, тогда делай что хочешь. И я не желаю больше, чтобы ты поднимал эту тему! Слышишь?!

Филипп виртуозно избегал острых углов. Не копал там, где не просят, не совал нос куда не нужно, одним словом — идеальный подросток, живущий по правилам бабушки. Или, может

быть, подросток, знающий цену каждому вздоху без боли и искренне ценящий эти мимолетные мгновения спокойствия, которые могут закончиться в любой момент?

Дверной звонок требовал обратить на него внимание.

— Иди уже открой.

— Я на табуретке.

— Так слезь, у тебя ног нет, что ли? И в глазок посмотри, кто там пришел. Мы никого не ждем.

Филипп подхватил чеканку под мышку, а тряпку под другую, бурча спрыгнул с табуретки и подошел к двери.

— Еще чего — смотреть в глазок, я что, трус, что ли... — Повернул замок и отодвинул щеколду.

И пожалел, что не посмотрел в глазок.

Ох, как бы он хотел посмотреть и не открыть. Все-таки бабушка иногда бывает права. Не всегда, но все же бывает.

— Привет! — В дверях стоял улыбающийся Глеб с шикарной каштановой шевелюрой.

Не дожидаясь ответа, зашел внутрь и громко крикнул в пространство квартиры:

— Здравствуйте, я к вам с гостинцами. Вот торт меренговый низкокалорийный и цветы для вас! Я подумал, что вы должны любить розы, вы так же прекрасны! Или нет, вы лучше. Как жаль, что вы не моя бабушка.

Саида Петровна выбежала из кухни, развязывая фартук.

— Ох, Глебушка, не стоило беспокоиться. Это так мило. Ты всегда такой джентльмен. — Подойдя к гостю ближе, шепнула ему в ухо: — Я тоже жалею, что ты не мой внук.

— А ничего, что я здесь стою? — Филипп в упор смотрел на Глеба.

— Ну вот и не надо стоять, иди руки помой и положи ты уже эту пыльную тряпку. А мы с Глебушкой пойдем в залу, я достану тот сервиз из императорского фарфора.

Филипп бросил с размаху тряпку в раковину.

— Прекрасно. Просто замечательно.

— Уваф, — твякнул Зевс.

— Ты один меня понимаешь.

Филипп опустил на корточки и погладил по носу старого друга.

— Скажи, вот зачем он приперся? Ты знаешь? — Бусины некогда черных глаз теперь были подернуты старческой пеленой катаракты. — Вот и я не имею представления.

— Филипп, нехорошо заставлять гостя ждать. Захвати заодно чайник, он уже закипел, и нож для торта. Тот, с широким лезвием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.